

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

УИЛЬЯМ
ГОЛДИНГ

*Бог-скорпион
Клонк-клонк
Чрезвычайный посол*

АМЕРИКА-ВЕТАССИКА

Annotation

Историческая повесть-притча Уильяма Голдинга, автора знаменитого романа "Повелитель мух". Ее действие происходит в далеком прошлом, однако автор поднимает здесь самые актуальные для XX века вопросы, никого не оставляющие равнодушными и заставляющие вновь и вновь задумываться над проклятыми вопросами бытия.

- [Уильям Голдинг](#)
 - [I. Десятое чудо света](#)

- II. Талос
- III. Гнев громовержца
- IV. Дипломатическая миссия

- notes

- 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
-

Уильям Голдинг

Чрезвычайный посол

I. Десятое чудо света

Голос кастрата легко проникал сквозь занавеси, отделявшие галерею от внутренних покоев виллы. Его сказанию о пламенной любви, как и следовало ожидать, недоставало страсти. Мелодия взмывала над землей и парила, голос то набрасывался на последнюю треть тона, наводя на мысль о муках здоровой человеческой плоти, то переходил на уверенное вибрато, а то вдруг снижал и осторожно синкопировал. Юноша, что стоял, прислонясь к одной из колонн галереи, горестно покачивал головой.

Лоб его бороздили морщины — большая редкость в столь юном возрасте, веки, словно налитые свинцом, были устало опущены. Сад за его спиной утопал в великолепии заката. Даже на фоне бесстрастного, как голос кастрата, пурпурного зарева нетрудно было заметить, что юноша изящен, высок, рыжеволос и кроток. Вдруг губы его затрепетали, он сокрушенно вздохнул.

Старик, покойно сидевший у другой колонны, оторвался от своих бумаг:

— Мамиллий.

Мамиллий вздрогнул, но глаз не открыл. Старик внимательно посмотрел на него. Трудно сказать,

что выражало в тот момент лицо старика, — лучи солнца, отражаясь от каменных плит, подсвечивали его снизу, отчего нос казался приплюснутым, а вокруг рта резче обозначились глубокие складки деланного благодушия. В них могла таиться и озабоченная улыбка. Он чуть возвысил голос:

— Почему кастрат не поет?

Послышались звуки арфы: тоника, субдоминанта и доминанта — три тона, на которых зиждется вселенная. Голос взмыл, а солнце продолжало опускаться с надменной и бесстрастной неумолимостью. Мамиллий поморщился, по взмаху руки старика голос умолк, будто его

выключили.

— Ну скажи мне, что тебя мучит?

Мамиллий открыл глаза, повернулся и посмотрел на стройные ряды кипарисов, заросли тика и можжевельника — каждой террасе сада они придавали свой оттенок зеленого цвета и выразительную законченность, — потом скользнул взглядом по самой дальней поверхности, сверкающему морю.

— Ты не поймешь.

Старик скрестил ноги в сандалиях, удобно устроил их на низенькой скамеечке и откинулся на спинку кресла. Руки он сложил так, что кончики пальцев соприкасались;

в последних лучах заходящего солнца блеснул перстень с аметистом. Лучшие сирийские красильщики могли позавидовать закатным цветам его тоги, широкая пурпурная кайма казалась почти черной.

— Понимать — мое ремесло. Пусть ты и отпрыск побочной ветви императорской семьи, я все же твой дед. Скажи мне, что тебя мучит?

— Время.

Старик с серьезным видом кивнул.

— Время течет, как вода сквозь пальцы. Мы цепенеем от ужаса, обнаружив, как мало его осталось.

Горестно покачивая головой, Мамиллий закрыл глаза, морщины

снова легли на его чело.

— Время не движется. День длится вечность. Бесконечной скуки этой жизни мне не вынести.

Старик на мгновение задумался. Он опустил руку в корзину, стоявшую справа от него, достал свиток, пробежал его взглядом и бросил в корзину слева. Немало искусных рук потрудились, чтобы придать старику спокойную величавость, которая не тускнела даже на фоне великолепного сада в закатном освещении. Весь он — от светящегося черепа под редкими седыми волосами до ухоженных пальцев ног — являл собой законченное совершенство.

— Миллионы людей должны верить, что внук Императора, пусть даже незаконнорожденный, счастлив душой и телом.

— Я перепробовал все виды человеческого счастья.

В горле Императора что-то забулькало, и, не закашляйся он и не высморкайся шумно, на римский манер, могло показаться, что он вот-вот рассмеется. Император вернулся к своим занятиям.

— Час назад ты хотел помочь мне разобраться с этими прошениями.

— Это было до того, как я начал их читать. Неужели весь мир не способен думать ни о чем, кроме

выпрашивания милостей?

По саду пролетел соловей, сел на кипарис с теневой стороны и, как бы пробуя голос, взял несколько нот.

— Напиши еще несколько изящных стихотворений. Мне больше всего по душе те, что ты сочинил для записи на яичной скорлупе. Я гурман, и мне это особенно близко.

— Оказывается, кто-то уже успел это сделать до меня. Все, больше не напишу ни строчки.

Они немного помолчали, готовые внимать соловью, но тот, словно смутившись столь изысканной аудитории, вспорхнул и улетел.

Тогда Мамиллия заколыхалась —

его передернуло.

— Столько лет оплакивать Итиса. Какая глупая чувствительность!

— Попробуй удачи в других искусствах.

— В декламации? В кулинарии?

— Ты слишком робок для первой и чересчур молод для второй.

— А мне казалось, ты приветствуешь мой интерес к искусству готовить пищу.

— Ты должен, Мамиллий, уметь не только произносить слова, но и понимать их. Кулинария — не услада юности, а ее воскрешение в памяти.

— Отец Отечества изволит выражаться туманно. А мне все

равно скучно.

— Не будь ты худ, как щепка, я прописал бы тебе настойку александрийского листа.

— Благодарю покорно. Мой кишечник и без того работает удручающе регулярно.

— Так, может быть, виной всему женщина?

— Как ты можешь подозревать меня в такой вульгарности?

На сей раз Император не совладал с собой. Он, правда, на какое-то время сумел сохранить невозмутимое выражение лица, но тело предательски задергалось в конвульсиях смеха. Смеялся он долго, до слез. Лицо внука постепенно

заливалось краской, сначала цвет его достиг багровости заката, а потом стал и вовсе лиловым.

— Неужели я так смешон?

Император смахнул слезы с глаз.

— Прости. Не знаю, поймешь ли ты, но моя придирчивая любовь к тебе во многом связана с твоей... Мамиллий, ты так отчаянно современен, что из боязни прослыть старомодным лишаешь себя многих радостей жизни. Если б ты только мог посмотреть на мир моим печальным и угасающим взором...

— Не имею ни малейшего желания. Ничто не ново под луной. Все изобретено, все написано. Время остановилось.

Император бросил в корзину очередное прошение.

— Ты когда-нибудь слышал о Китае?

— Нет.

— В первый раз я услышал о Китае двадцать лет назад. Я считал, что это остров где-то за Индией. С тех пор до меня порой доходили отрывочные сведения. Так вот, Мамиллий, Китай — это огромная империя, больше нашей.

— Какая нелепость! Это противоречит законам природы.

— И тем не менее это так. Иногда меня посещает видение: наш земной шар держат, если так можно выразиться, две руки — одна

смуглая, другая, по моим сведениям, желтая. Может быть, как в известной комедии, [\[1\]](#) человек наконец встретится со своим близнецом, пропавшим когда-то без вести.

— Выдумки путешественников.

— Я пытаюсь доказать тебе, что мир необъятен, а жизнь прекрасна и удивительна.

— Не хочешь ли ты предложить мне отправиться в путешествие?

— Морем ты отправиться не можешь, а по суше и рекам на это уйдет не меньше десяти лет, да и то если аримаспы пропустят тебя через свои владения. Оставайся дома и развлекай старика, который чувствует себя все более одиноко.

— Спасибо за позволение быть твоим шутом.

— Послушай, Мамиллий, — строго сказал Император, — шел бы ты на войну. И чем она будет кровавей, тем лучше для тебя.

— Пусть этим занимается твой законный наследник, дубинноголовый Постумий. Пусть воюет сколько его душе угодно. К тому же на войне жизнь утрачивает цену, а я и без того нахожу ее достаточно ничтожной.

— В таком случае Отец Отечества бессилён помочь родному внуку.

— Надоело сидеть без дела.

Император взглянул на

Мамиллия пристальнее, чем того требовала последняя фраза.

— Может, я был с тобой неосторожен? Смотри, Мамиллий. Наша необычная дружба держится только на том, что ты не суешь свой нос в чужие дела. Так что не сочти за труд посидеть без дела. Я хочу, чтобы ты жил долго, даже если в глубокой старости ты и умрешь от скуки. Выбрось из головы честолюбивые планы.

— Я не стремлюсь к власти.

— Продолжай убеждать в этом Постумия. Пусть он правит. Ему это нравится.

Мамиллий покосился на занавеси, шагнул вперед и

прошептал:

— А ведь ты бы предпочел, чтобы пурпурную кайму твоей тоги унаследовал я!

Император резко подался вперед и торопливо ответил:

— Если бы агенты слышали тебя, ни тебе, ни мне не прожить и года. Никогда больше не говори таких вещей. Это приказ.

Мамиллий вновь прислонился к колонне, а Император взял очередной свиток, подержал его в лучах заходящего солнца и отбросил в сторону. Оба молчали. Сумерки и тишина подействовали на соловья ободряюще — он вернулся на кипарис и снова запел. В голосе

Императора зазвучали душевные нотки:

— Спустись в сад, минуй лужайку, пруд с лилиями и войди в туннель под скалой. Еще сотня шагов — и ты у причалов гавани...

— Окрестности я знаю неплохо.

— Когда попадешь туда, уже стемнеет, так что увидишь немного, но ты скажи себе: «Вот здесь, защищенные от моря двумя молами, стоят сотни судов, тысяча домов, живут десять тысяч людей. И каждый из них ничего и никого не пожалеет, чтобы стать пусть и побочным, но любимым внуком Императора».

— Склады, таверны, бордели. Грязь, деготь, ворвань, нечистоты,

ПОТ.

— Да... человечество ты не жалуешь.

— А ты?

— Я его принимаю таким, какое оно есть.

— А я его избегаю, каким бы оно ни было.

— Мы должны добиться, чтобы Постумий дал тебе в управление какую-нибудь провинцию. Хочешь Египет?

— Грецию, если уж иначе нельзя.

— Боюсь, не получится, — сказал Император с грустью в голосе. — На Грецию большая очередь.

— Тогда Египет.

— Часть Египта. Если ты, Мамиллий, поедешь туда, то прежде всего ради собственного блага. Когда ты вернешься, от меня останется лишь горстка праха да один-два памятника. Будь же счастлив хотя бы для того, чтобы скрасить последние дни дряхлеющего слуги народа.

— Да чем же Египет может меня осчастливить? Не то что в Африке — в целом мире нет ничего нового.

Император развернул еще один свиток, прочитал, улыбнулся, затем позволил себе рассмеяться.

— А вот и для тебя кое-что новое. Эти просители из твоих

будущих владений. На твоём месте я бы не упустил случая познакомиться с ними.

Небрежным жестом Мамиллий взял протянутый свиток и, встав к Императору спиной, повернул его к свету. Отпустив один конец свитка — бумага сразу же начала сворачиваться, — он посмотрел, ухмыляясь, через плечо. Глаза Мамиллия и Императора встретились, и они дружно расхохотались. Император смеялся весело, от души, от смеха он просто помолодел. Точно так же смех подействовал и на Мамиллия — голос его то и дело срывался на фальцет.

— Этот человек, видите ли, хочет поиграть с Цезарем в морской бой.

Так они смеялись вдвоем под соловьиные трели. Император кончил смеяться первым и кивнул в сторону занавесей. Мамиллий подошел, отдернул одну половину, произнес сухо и официально:

— Император примет просителей Фанокла и Евфросинию. Потом, улыбаясь и многозначительно переглядываясь с Императором, возвратился на прежнее место у колонны.

Поговорить с Цезарем запросто было, разумеется, нельзя. Из-за занавесей появился тучный

секретарь, он опустился на одно колено, а на другом пристроил восковые дощечки. Затем, с головы до ног закованный в доспехи, на галерею с грохотом и лязгом протопал солдат. Он встал за спиной Императора по стойке «смирно», со скрежетом рванул меч из ножен и вскинул клинок острием вверх. Послышались приглушенные голоса, и двое рабов развели занавеси в стороны. Кто-то ударил жезлом в каменный пол.

— Император дозволяет вам приблизиться.

В проходе появился мужчина, за ним женщина с большим свертком в руках. Рабы опустили занавеси, и,

ослепленный закатом, мужчина на мгновение остановился — этого хватило, чтобы они рассмотрели его. Поверх светлой туники на мужчине был винный зеленый плащ. Его темные волосы и борода были всклокочены: то ли он шел так стремительно, что неподвижный воздух обвевал его, точно ветер, то ли где-то в пути пострадал от капризов погоды — в личных покоях Императора природе не позволялось проявлять свой дурной нрав. Плащ вошедшего был заношен, кое-где залатан и покрыт пылью; руки и ноги давно не мыты, ногти не чищены. Мясистое и бесформенное лицо было не выразительнее затылка.

Его спутница незаметно отступила в темный угол, такое место для нее было, видимо, привычным. Там она мало чем отличалась от задрапированной колонны — ее лицо было спрятано под покрывалом. Она стояла вполоборота к мужчинам, чуть склонившись над свертком. Ниспадавшие складки ее длинных одежд позволяли рассмотреть только часть сандалии и точеной ножки. Солдат с обнаженным мечом стоял не шелохнувшись, лишь, скосив глаза, ощупывал ее взглядом, уверенно и умело снимал одеяние за одеянием; изощренная интуиция, что приходит только с богатым опытом, позволяла

ему по мельчайшим деталям воздать
должное прелестям незнакомки. Он
видел полуприкрытую кисть руки и
округлость колена, едва
намечавшуюся под тканью столы.
Наконец глаза солдата оторвались от
незнакомки: левый глаз неотрывно
смотрел вперед по одну сторону
меча, правый — по другую. Губы его
округлились, в более подходящей
обстановке он бы наверняка
присвистнул.

Император, предвидевший такой
оборот событий, бросил быстрый
взгляд за спину. Солдат не мигая
смотрел прямо перед собой.
Поверить, что его глаза когда-то
двигались или смогут двигаться

впредь, было решительно невозможно. Император повернулся к внуку.

Мамиллий наблюдал за женщиной искося, он ощупывал ее взглядом, снимая одеяние за одеянием; естественный и безграничный оптимизм юности рисовал в его воображении прелести незнакомки.

Император с довольным видом откинулся в кресле. Мужчина, взяв у спутницы сверток, стоял в растерянности, не зная, куда его положить. Он близоруко щурился на императорскую скамеечку для ног. Император ткнул согнутым пальцем в сторону секретаря:

— Запиши.

Он не мог оторвать от Мамиллия радостного и торжествующего взгляда.

— Мы много слышали о камнях Пирры, о том, как Иегова сотворил человека из праха, о красной глине Тота, но я всегда считал, что кто-то из богов увидел — человек ползет на четвереньках, и, дав ему коленом под зад, одним пинком поставил на ноги. Сенсуалист в это верит. Мудрец этого просто не забывает.

Но Мамиллий его не слышал.

Нелепый проситель наконец-таки решился. Он развернул сверток и поставил на каменный пол между Императором и Мамиллием модель

корабля. Модель была не больше двух локтей в длину и на вид неказиста. Император перевел взгляд на просителя.

— Значит, ты и есть Фанокл?

— Фанокл, Цезарь, сын Мирона, александриец.

— Мирона? Надо понимать, что ты — библиотекарь.

— Я был, Цезарь... помощником... пока...

Он с яростным остервенением махнул рукой в сторону корабля. Император продолжал спокойно смотреть на него.

— И ты хочешь поиграть с Цезарем в морской бой?

Император старался скрыть

насмешку, но его выдал голос. В отчаянии Фанокл повернулся к Мамиллию, но тот был все еще поглощен созерцанием незнакомки и теперь уже не таился. Неожиданно Фанокл разразился потоком слов:

— Везде, Цезарь, одни препоны — снизу доверху. Говорили, что я-де трачу время зря, занимаюсь чепухой, черной магией... смеялись надо мной. Я беден, и когда кончились деньги отца... он ведь оставил немного... самую малость... я их истратил... Что же нам делать, Цезарь?

Император молча следил за ним. Он понял, что не закат ослепил Фанокла. Даже в сумерках было

видно, что грек близорук. Изъян этот придавал ему вид рассерженный и удивленный, казалось, что где-то перед ним постоянно находится источник гневливого раздражения.

— ...и я подумал: вот если б я мог попасть к Цезарю...

Но на пути Фанокла громоздились помехи и препятствия, от людей он видел только козни и издевательства, испытал их злобу и гонения.

— Сколько ты отдал, чтобы попасть ко мне?

— Семь золотых.

— Не так уж много. Ведь я не в Риме.

— Это все, что у меня были.

— Мамиллий, позаботься о том, чтобы Фанокл не остался в убытке. Мамиллий!

— Слушаюсь, Цезарь.

С крыши и из углов поползли тени. На высоком кипарисе продолжал заливаться соловей. Император, как недавно солдат, скосил глаза на женщину, а затем метнул взгляд на Мамиллия, который у солдата интереса не вызывал.

— А твоя сестра?

— Евфросиния, Цезарь, свободная женщина и девица.

Император медленно повернул лежащую на коленях руку ладонью вверх и стал сгибать указательный палец, пока не изобразил подобие

подзывающего жеста. Не смея противиться высочайшему повелению, Евфросиния бесшумно вышла из угла и застыла перед ним. Ритм драпировок изменился, покрывало около рта едва заметно подрагивало.

Император мельком взглянул на Мамиллия и понимал: ничто не ново под луной. Потом повернулся к Евфросинии:

— Покажи нам свое лицо.

Фанокл резко шагнул вперед и чуть не наступил на модель. Чтобы не раздавить ее, он сделал несколько судорожных движений, похожих на неуклюжие танцевальные па.

— Цезарь...

— Вам с сестрой пора привыкать к нашим западным манерам.

Он перевел взгляд на перетянутые ремешками пальцы ее ног, на выступавшее под тканью округлое колено и наконец на немыслимо красивые руки, в волнении сжимавшие край столы. Слегка кивнув, он ободряюще протянул вперед руку, на которой блеснул перстень с аметистом.

— Здесь никто не хочет обидеть тебя, госпожа. Скромность — достойная оправа целомудрия. Но чтобы мы знали, с кем говорим, позволь нам увидеть хотя бы твои глаза.

Голова под покрывалом повернулась к брату, но тот стоял, беспомощно раскрыв рот и до боли стиснув пальцы. Наконец ее рука осторожно потянула покрывало вниз и открыла верхнюю часть лица. Женщина посмотрела на Императора, и голова ее качнулась, словно маковка на тонком стебельке.

Император смотрел ей в глаза, улыбаясь и хмурясь одновременно. Он не произнес ни слова, но безмолвная весть о его поведении уже понеслась. Занавеси раздвинулись, и на галерею торжественным шагом вышли три женщины. В сложенных чашей руках каждая несла пригоршню света; лица

сияли, пальцы прозрачно розовели. Не отрывая взгляда от Евфросинии, Император легкими движениями руки принялся расставлять живые светильники по галерее. Один он поместил справа и чуть спереди от Евфросинии, другой установил сзади, отчего свет мгновенно заиграл и заискрился в ее волосах. Третий он придвигал слева все ближе и ближе, потом начал поднимать, пока тот не оказался так близко от лица Евфросинии, что локон затрепетал в струящемся тепле.

Император повернулся к Мамиллию — тот безмолвствовал. Лицо его было таким растерянным, словно он только что очнулся от

глубокого сна. Неожиданно Евфросиния опустила руку и закрыла лицо — погас четвертый светильник. Меч в руке солдата дрогнул.

Император откинулся в кресле и сказал, обращаясь к Фаноклу:

— Ты привез с собой десятое чудо света.

Пот заливал лицо Фанокла. Со смущенным облегчением он посмотрел на модель корабля.

— Но я еще не объяснил, Цезарь...

Император махнул рукой.

— Успокойся. Тебе и твоей сестре здесь ничто не угрожает. Мамиллий, они будут нашими гостями.

Мамиллий перевел дыхание и посмотрел на Императора. Будто пытаясь освободиться от невидимых пут, он замотал головой из стороны в сторону. Решение Императора привело в действие механизм еще одного ритуала. Женщины выстроились так, чтобы осветить проход, через который вошла строгая домоправительница, всем своим видом выражая готовность поделиться изобильными наличными ресурсами. Она поклонилась Императору, Мамиллию, Евфросинии, взяла гречанку за руку и увела с собой. Занавеси сомкнулись, и галерея наконец потонула во мраке; только в

открытом море, где около сетей кружились рыбачьи лодки, светились яркие огоньки. Мамиллий подошел к Фаноклу и заговорил срывающимся дискантом:

— Какой у нее голос? Как она говорит?

— Она говорит редко, Цезарь. Я не помню ее голоса.

— Люди возводили храмы в честь куда менее совершенной красоты.

— Она моя сестра!

Император пошевелился в кресле.

— Раз ты так беден, Фанокл, неужели тебе в голову никогда не приходила мысль поправить ваши

дела выгодным браком?

Будто пойманный в западню, Фанокл дико озирался по сторонам.

— На какой женщине ты хотел бы меня женить, Цезарь?

В немыслимой тишине, последовавшей за вопросом, рассыпалась соловьиная трель. Разбуженная ею, взошла вечерняя звезда — она мерцала на темно-синем клочке неба, зажатою между черных теней можжевельника. Мамиллий вновь заговорил срывающимся голосом:

— Фанокл, у нее есть мечта?

Император тихо засмеялся:

— Сама красивая женщина и есть мечта.

— Она сладчайший в мире источник поэтического вдохновения.

— Красиво говоришь, Мамиллий, в коринфском стиле. Однако продолжай.

— Она женщина эпической простоты.

— Ну, теперь тебя хватит на двадцать четыре тома бессмертной скучищи.

— Не смейся надо мной.

— Я не смеюсь. Ты доставил мне большую радость. Фанокл, как тебе удалось сберечь такое чудо?

В сгустившейся темноте сбитый с толку Фанокл напряженно подыскивал слова.

— Что мне ответить, Цезарь?

Она — сестра моя. Красота ее расцвела, как говорится, в одночасье.

Он помолчал, собираясь с мыслями. И вдруг его словно прорвало:

— Я не понимаю тебя, да и всех остальных тоже. Почему нас не оставляют в покое? Разве интимная жизнь людей имеет какое-нибудь значение, когда вокруг океан незыблемых взаимосвязей, которые необходимо исследовать!

В горле Фанокла что-то булькнуло, казалось, ему сейчас станет плохо. Но когда он снова заговорил, речь его потекла плавно, правда, ход мысли по-прежнему удивлял своей неожиданностью.

— Если выпустить камень из рук, он упадет.

Кресло под Императором скрипнуло.

— Я надеюсь, что мы понимаем тебя.

— Всякая субстанция вечно и неизменно связана с любой другой субстанцией. Человек, который понимает эти связи... вот тот господин...

— Мой внук, досточтимый Мамиллий.

— Досточтимый внук, хорошо ли ты знаешь юридические законы?

— Я римлянин.

По движению воздуха Мамиллий почувствовал, что Фанокл

размахивает руками. Вглядевшись в темноту галереи, он с трудом различил смутные очертания жестикулирующей фигуры.

— Ну вот! Ты свободно ориентируешься в мире закона. А я легко себя чувствую в мире субстанций и сил, потому что признаю за вселенной разум не меньший, чем у законоведа. Подобно тому как ты, знающий закон, можешь добиться своего, имея дело со мной, который закона не знает, так и я могу не ждать милостей от вселенной, а взять их у нее.

— Слишком путано, — сказал Император. — Нелогично и очень самоуверенно. Скажи мне, Фанокл:

когда ты говоришь такое, люди не называют тебя сумасшедшим?

Озадаченное лицо Фанокла поплыло во мраке вперед. Он помнил о модели корабля и боялся на нее наступить. Но перед самым его лицом вдруг тускло блеснуло лезвие меча. Фанокл неуклюже попятился.

Император повторил свои слова так, будто говорил их впервые:

— ...называют тебя сумасшедшим?

— Называют, Цезарь. Потому я и... порвал все связи с библиотекой.

— Понимаю.

— Ты думаешь, я сумасшедший?

— Продолжай, слушаем дальше.

зашевелился.

— Так ты колдун?

— Колдовства в природе нет.

— Твоя сестра — его живой пример и воплощение.

— Тогда она неподвластна законам природы.

— Очень может быть. А есть ли в твоей вселенной поэзия?

Измученный Фанокл повернулся к Императору.

— Вот все они так говорят,
Цезарь. Поэзия, волшебство,
религия...

Император усмехнулся:

— Будь осторожен, грек. Ты

говоришь с великим понтификом.

Тень от пальца Фанокла метнулась к лицу Цезаря.

— Верит ли Цезарь в то, что вынужден делать великий понтифик?

— Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос.

— Досточтимый Мамиллий, ты веришь в глубине души, что непредсказуемая и неподвластная разуму поэзия существует помимо твоих свитков?

— До чего же скучна твоя жизнь!

— Скучна?

Фанокл сделал полшага к Императору, вспомнил про меч и вовремя остановился.

— Моя жизнь проходит в постоянном изумлении.

Император отвечал ему спокойно и терпеливо:

— В таком случае обыкновенный император не в силах что-либо сделать для тебя. Ты счастливее Диогена в бочке. Единственное, что я могу, — не загораживать тебе солнце.[\[2\]](#)

— Но я разорен. Если ты мне не поможешь, меня ждет голодная смерть. А с твоей помощью я могу изменить мир.

— И мир станет лучше?

— Он сумасшедший, Цезарь.

— Это его право, Мамиллий. По своему опыту, Фанокл, я знаю, что

перемены почти всегда к худшему. И тем не менее ради моего... ради твоей сестры я принимаю тебя как гостя. Будь краток. Чего ты хочешь?

Фаноклу строили козни. Десятое чудо света — это, конечно, корабль, а не сестра; людей он никогда не мог понять, но с помощью его корабля Император затмит Александра Македонского. Дальше Мамиллий не слушал, постукивая пальцем по колонне, он что-то забормотал себе под нос.

Пока Фанокл молол свой вздор, Император не шевельнулся и не проронил ни слова, он только позволил, чтобы от него на Фанокла повеяло холодком. Уж на что тот был

толстокож, однако и он наконец запнулся и умолк.

Заговорил Мамиллий:

— «Красоты немое красноречье...»

— Я уже это слышал, — задумчиво произнес Император. — Кажется, Бион, но, может быть, и Мелеагр.

Фанокл закричал:

— Цезарь!

— Ах да. Твоя модель. Так чего ты хочешь?

— Прикажи принести свет.

На галерею все с той же ритуальной торжественностью возвратился один из живых светильников.

— Как называется твоя модель?

— У нее нет названия.

— Корабль без названия?

Мамиллий, надо придумать.

— О боги, какая разница? Пусть будет «Амфитрита». — Мамиллий картинно зевнул. — С твоего позволения, дедушка, я хотел бы...

Император просиял улыбкой.

— Проследи, чтобы наши гости ни в чем не испытывали неудобств.

Мамиллий метнулся к выходу.

— Мамиллий!

— Что прикажешь, Цезарь?

— Мне больно видеть, как ты скучаешь.

Мамиллий остановился.

— Скучаю? Да... Скучаю.

Доброй ночи, дедушка.

Мамиллий неторопливо направился к выходу.

Однако, едва скрывшись за занавесями, он без промедления перешел на резвую рысь. Император рассмеялся и взглянул на корабль.

— Мореходность никудышная: плоскодонный, с малой кривизной бортов. Что за нос и корма? Это же зерновая баржа. А украшения зачем? Они что, имеют какой-то религиозный смысл?

— Пожалуй, нет, Цезарь.

— Значит, хочешь со мной сразиться в морской бой? Если бы не твоя очаровательная непосредственность, я бы, наверное,

наказал тебя за самонадеянность.

— Я, Цезарь, принес для тебя три игрушки. Это только первая.

— Развлекать гостя — обязанность хозяина.

— Цезарь! Тебе приходилось видеть, как в горшке кипит вода?

— Случалось.

— Ты, наверное, замечал, что при этом пар улетучивается в воздух. А что, если горшок закрыть?

— Очевидно, пар не будет улетучиваться.

— Горшок разлетится на куски. Пар обладает титанической силой.

— Да что ты говоришь! — воскликнул Император. — И часто тебе случалось видеть, как горшки

разлетаются на куски?

Фанокл сдержался.

— Южнее Сирии живет дикое племя. В их землях много черного масла и горючего пара. Когда они готовят пищу, то по трубам направляют пар в печи, стоящие рядом с их домами. Мясо, которым питаются туземцы, жесткое, обычным способом его варить долго. Но они на одну посудину ставят вверх дном другую. И тогда внутри горшка пар создает давление — оно проникает в мясо и проваривает его тщательно и быстро.

— И пар не разрывает горшок?

— В том-то и смысл изобретения. Если давление

становится слишком большим, оно поднимает верхнюю посудину и выпускает излишки пара. Это же просто, Цезарь. Пар способен поднять вес, который и слону не под силу.

Император сидел прямо, чуть подавшись вперед и обхватив руками подлокотники кресла.

— А аромат, Фанокл! Ведь он-то не улетучится! Мы чудесным образом сохраним сам дух человеческой пищи.

Он встал и начал ходить по галерее.

— Мы начнем с мяса...

— Но...

— Что касается меня, я всегда

был неприхотлив. Слоновья нога и нога мамонта, ваши диковинные приправы и соусы — все это глупое ребячество. Мой внук наверняка стал бы доказывать, что надо исследовать все возможности и, так сказать, расширить границы вкусового опыта...

— Мой корабль...

— ...но это мальчишеский лепет. Отведать мяса в его изысканной простоте — значит вернуться в юность, память о которой стирает неумолимое время. Нужен костер, здоровая усталость в членах и по возможности чувство опасности. Ну и еще, конечно, крепкое красное вино...

Они смотрели друг на друга, разинув рты, правда, причины для такого изъявления эмоций у них были разные.

— Фанокл, мы на пороге величайшего открытия. Как называют туземцы свои две посудыны?

— Горшок-скороварка.

— Когда ты сможешь сделать такой для меня? А может быть, мы возьмем один горшок и поставим его вверх дном на другой...

Он постукивал пальцем одной руки по ладони другой, задумчиво глядя на сад невидящим взором.

— ...а что, если начать с рыбы? А может, дичи? Нет, пожалуй, все же

лучше с рыбы. Надо взять немного белого вина — желательно скромный сорт, чтоб не собой кичился, а самозабвенно отдавался делу. Только вот что выбрать — форель, палтус? Но вино тем не менее должно быть выдержанным — пусть терпеливо ждет своего часа.

Он повернулся к Фаноклу.

— Есть один южный сорт, его разводят на знаменитом сицилийском винограднике, как же он называется, дайте, боги, памяти...

— Цезарь?

— Ты должен отобедать со мной немедленно, мы обсудим план действий. Да, да, я обедаю очень поздно. Нахожу, что это улучшает

аппетит.

— Мой корабль, Цезарь!

— «Амфитрита»?

Император, собравшись было уходить, остановился.

— Я тебе все могу дать, Фанокл. Чего тебе надо?

— Ответь мне, Цезарь, Когда на море стихает ветер, что происходит с кораблем?

Повернувшись к Фаноклу, Император снисходительно улыбнулся.

— Он ждет, когда ветер подует вновь. Штурман начинает молиться богу ветра. Приносит жертвы и так далее.

— А если он не верит в бога

ветра?

— Тогда, я думаю, ему не будет попутного ветра.

— А если ветер стихает в решающий для твоих кораблей момент морского боя?

— Рабы берутся за весла.

— А когда они выдыхаются?

— Их бьют.

— Ну а если они так обессилели, что и побои не помогают?

— Тогда их выбрасывают за борт. Диалектика... сократический метод.

Фанокл беспомощно опустил руки. Император сочувственно улыбнулся.

— Ты устал и проголодался. Не бойся ни за себя, ни за сестру. Ты стал мне очень дорог, а сестру я возьму под свою опеку.

— При чем здесь сестра?

Император был явно озадачен.

— Так чего же ты хочешь?

— Я все время пытаюсь это объяснить. Я хочу построить тебе боевой корабль по образцу и подобию «Амфитриты».

— Боевой корабль — дело серьезное. Как я могу считать тебя умелым корабелом, когда ты всего-навсего бывший библиотекарь?

— Ну дай мне корпус корабля — любого. Дай мне хотя бы старую баржу и денег, чтобы переделать ее

вот по этому образцу.

— Конечно, мой дорогой Фанокл. Ты получишь все, чего пожелаешь. Я распоряжусь.

— А остальные мои изобретения?

— Ты имеешь в виду скороварку?

— Нет, совсем другое. Я назвал его взрывчаткой.

— Судя по названию, это то, что с ревом разрывается? Чудеса, да и только! Ну, а третье изобретение?

— Пока я подержу его в секрете, пусть оно будет для тебя сюрпризом.

Император с облегчением закивал.

— Вот и хорошо. Строй свой

корабль и разрыватель. Но только сначала сделай скороварку. — Сияя от удовольствия, Император вытянул руку, осторожно положил ее на плечо Фаноклу и, не прилагая усилий, повернул его к выходу.

Обрадованный первыми признаками дружелюбия, Фанокл пошел за ним, почтительно сгибаясь и стараясь ступать в ногу. Занавеси широко распахнулись, пропустив на галерею поток света, который принял их и поглотил. Свет заливал секретаря, солдата, пустое кресло; его яркие блики играли на бронзовом котле и трубе «Амфитриты».

II. Талос

С галереи Мамиллий спустился в сад. Сейчас он себе определенно нравился. Широкополая соломенная шляпа, вполне заменявшая зонтик от солнца, выглядела не по-римски — ровно настолько, чтобы подчеркнуть независимость хозяина, но исключить любые подозрения в дерзком неповиновении существующим порядкам. Светлый плащ из тончайшего египетского полотна, скрепленный на плечах изящными пряжками, добавлял его облику мужественного достоинства без тени грубости или надменности.

При быстрой ходьбе — а какое-то время именно так он и передвигался — плащ развевался за спиной, и Мамиллий испытывал ощущение стремительного полета. Туника была вызывающе коротка и обужена, но мода есть мода, тут ничего не поделаешь. А что, если Евфросиния сидит сейчас здесь, среди замшелых наяд, и я встречу ее, думал он, неужели она не откроет лицо и не заговорит со мной? Спускаясь по нескончаемым ступеням, он озирался, высматривая ее повсюду, но в опаленном зноем саду не было ни души. Квадратные лужайки вокруг казались бархатными — собственно, таковыми им и надлежало быть по

литературным канонам, — а в красиво подстриженных тисовых деревьях было меньше жизни, чем в стоявших рядом скульптурах. Он заглядывал в беседки и цветники, обходил группы каменных гамадриад, фавнов и бронзовых мальчиков, машинально салютовал гермам, возвышавшимся в густом кустарнике.

Вся беда в том, что она ни с кем не желала говорить и редко показывалась на люди. Я уже кое-что знаю о любви, думал он, и не только по книгам. Любовь — это неотступная тревога и озабоченность, это чувство, будто все сокровища жизни собраны там, где она находится. Я, кажется, начинаю

понимать: любовь родилась на вольных просторах и вскормлена молоком молодой львицы. Интересно, что она думает обо мне, как звучит ее голос, влюблена ли она?

По жилам его пробежал огонь, он затрясся как в лихорадке. Нет, пронеслось в его голове, так не годится, нельзя больше думать о ней. И в тот же миг перед его мысленным взором прошествовала целая толпа ослепительно мужественных счастливых соперников. Когда он добрался до заросшего лилиями пруда, что находился на самой нижней террасе рядом с туннелем, борьба с химерами разгоряченного

воображения достигла кульминации — душевные силы покидали его.

— Лучше снова умирать от скуки.

Возможно, затея со шляпой была не столь уж блестящей идеей. Края этого персонального клочка тени стали какими-то размытыми, и хотя было очень жарко, сегодняшняя голубизна неба над морем не шла ни в какое сравнение со вчерашней. У горизонта образовалось зыбкое марево, которое постепенно наплывало с моря на сушу. Он заговорил с выдавшим виды сатиром:

— Будет гроза.

Сатир продолжал ухмыляться во весь свой зубастый рот. Он все

понимал. Евфросиния. Мамиллий отшатнулся и свернул налево, где в скалистом утесе был пробит туннель к порту, расположенному в соседней бухте. Часовой у входа вытянулся по стойке «смирно». Черная дыра туннеля совсем не привлекала Мамиллия, а разговоры с солдатами всегда рождали в нем приятное чувство собственного превосходства — он остановился.

— Доброе утро. Как идет служба?

— Нормально, мой господин.

— Много ли вас здесь?

— Двадцать пять, мой господин.

Пять старших чинов и двадцать рядовых, мой господин.

— Где вы расквартированы?

Солдат мотнул головой.

— По ту сторону туннеля, мой господин. На триреме у причала.

— Значит, чтобы попасть на новый корабль, я должен пройти через трирему?

— Так точно, мой господин.

— Как это утомительно. Скажи, ведь в императорском саду приятнее, чем в гавани?

Солдат задумался.

— Спокойнее, мой господин. Тем, кто любит тишину, нравится.

Мамиллий повернулся и вошел в темный туннель и толчею зеленых призраков, похожих на зубастого сатира. Сколько мог, он задерживал

дыхание — охрана пользовалась туннелем не только как проходом в сад. Зеленые зубастые сатиры постепенно бледнели, и наконец ему открылся ад.

Любому, кроме внука Императора в короткой и обуженной тунике, этот ад кромешный мог показаться местом интересным и даже привлекательным. Порт располагался в маленькой чашеобразной бухте. Вокруг по склонам лепились склады и домишки, выкрашенные в белый, желтый и красный цвета. Внутреннюю поверхность чаши опоясывало полукружье причальной стенки, возле нее в несколько рядов

теснились всевозможные суда и суденышки. Вход в чашу с моря закрывали два мола, концы которых почти сходились. Туннель заканчивался у основания ближайшего из них. Дома, причалы, склады, корабли — все кишело людьми. Матросы — рабы и свободные — смолили и красили корабельные борта. Мальчишки лазили по реям, множество людей копошилось в лодках и на баржах, голые бродяги, разгребая плавающий мусор, подтаскивали к берегу упавшие в воду бревна. В горячем воздухе гавани колыхались дома и склады, раскачивались крутосклонные холмы, и будь на небе

облака, на их фоне можно было бы увидеть, как колеблется сама небесная твердь. Дым от жаровен медников и от разогретых труб, в которых гнули доски, от чанов, харчевен и камбузов плыл в воздухе, отбрасывая на землю сотни бронзовых теней. Солнце безжалостно жгло весь этот муравейник и в центре гавани отражалось от воды слепящим бесформенным пятном.

Мамиллий натянул поглубже соломенную шляпу и прикрыл нос полкой плаща. Он немного постоял, озадаченный, но втайне довольный своим презрением к человечеству и к тому жестокому безумию, в какое

оно себя ввергло. В нем даже проснулась потребность внести свою лепту в мифологию ада. Ад не только зловонное пекло, но к тому же еще и грохочущее. Шум нарастал, жара усиливалась, все вокруг ходило ходуном.

Мамиллий перевел взгляд на мол, куда лежал его путь. Мол тянулся от берега до середины гавани и со стороны, обращенной к морю, имел стенку, высота которой достигала плеча человека. Три корабля стояли у причала. Слева, всего в нескольких шагах от Мамиллия, покачивалась на волнах императорская галера. В воде она сидела глубоко, гребцы спали на

лавках прямо под палящим солнцем, мальчишка-раб чистил подушки трона под громадным пурпурным балдахином. За галерой вырисовывался изящный силуэт триремы, весла которой были вынуты из уключин и убраны внутрь. Рабы старательно драили палубу, но отмыть ее от грязи не могли — у борта триремы была пришвартована уродливая «Амфитрита», и по палубе взад и вперед безостановочно сновали люди с корабля Фанокла.

Мамиллий шел по молу как можно медленнее — он всячески старался оттянуть момент, когда ему придется окунуться в неистовый жар, исходящий от трюма «Амфитриты».

Задержался у второго изобретения Фанокла, которое видел впервые. У стенки мола стояла метательная машина, нацеленная в сторону моря. Вопреки всем канонам военного искусства Фанокл уже отвел рычаг и, следовательно, взвел механизм. Даже кувалда, которой выбивают чеку, лежала наготове. В чашке рычага виднелся продолговатый предмет, к которому был прикреплен сверкающий на солнце бочонок; на бочонке красовалась бронзовая бабочка с вытянутым железным жалом. Подходящее насекомое для ада. Достаточно ударить по чеке — и полетит с быстротой молнии, с громовым грохотом бочонок в море к

рыбацким лодкам.

При виде катапульты Мамиллия передернуло, но, вспомнив поведение Фанокла, он невольно рассмеялся. После долгих объяснений отчаявшийся грек развел руками и назидательно, будто говорил с ребенком, а не с Отцом Отечества, заключил: «Я посадил молнию под замок и выпущу ее, когда захочу».

Часовой задремал у катапульты и, увидев Мамиллия, сообразил, что пойман с поличным; он попытался развязной болтовней отвлечь внимание от своего промаха и повел себя так, словно они с Мамиллием — это одно, а воинская дисциплина —

совсем другое.

— Глянь на это страшило, мой господин, какова милашка, а?

Мамиллий молча кивнул. Часовой посмотрел вверх на странную мглу, переползавшую через стенку мола.

— Будет гроза, мой господин.

Мамиллий сделал рукой знак от злых духов и быстро пошел прочь. Часового на триреме не было — на трапе его никто не встретил. Поднявшись на борт, он различил в неумолчном шуме гавани партию бассо остигато — это, как голодные звери, почуявшие на арене пищу, на кораблях рычали рабы. Безмолвствовали только те, что вяло

и угрюмо драили палубу триремы. Он прошел мимо них, остановился у борта и посмотрел вниз на «Амфитриту».

Метательная машина рядом с ней выглядела игрушкой. С каждого борта плоскодонной посудыны выступало по огромному — мир не видывал таких — колесу с дюжиной лопастей. Между ними по палубе змеился громадный железный стержень, совершенно изуродованный Фаноклом. Четыре кулака сжимали стержень — два толкали вперед, два тянули назад. Кулаки соединялись с железными руками, предплечья которых скользили в бронзовых рукавах.

Мамиллий знал, как Фанокл называл эти рукава — поршни, — и поскольку не было другой возможности изготовить их с той немыслимой точностью, какой требовал Фанокл, их, как перчатки, сняли с гипсовых колонн, предназначенных для храма Граций.

Грации напомнили ему о Евфросинии, и он повернулся к корме. Между поршнями находилось самое страшное: Талос, медный безголовый великан. Сверкающая сфера ушла по пояс в палубу, четыре вытянутые руки сжимали уродливый кривошип. Между Талосом и кривошипом посреди железных прутьев торчала высокая бронзовая

труба — издевка над священным Фаллосом.

Людей вокруг было немного. Раб делал что-то технически сложное с одной из рулевых лопастей, кто-то бросал уголь в трюм. Толстый слой угольной крошки покрывал палубу, борта и колеса. Чистым оставался только ушедший по пояс в палубу Талос, он дышал горячим паром и лоснился от масла. Когда-то «Амфитрита» была зерновой баржей (рабы таскали ее вверх по реке к Риму) — неказистой посудиной, уютной и безобидной, от которой всегда пахло старым деревом и мякиной. Но теперь в нее вселилась нечистая сила. Талос восседал на

корабле, насекомое выставило свое жало в сторону открытого моря, ад грохотал.

Из трюма высунулась голова Фанокла. Сквозь пот, заливавший глаза, он посмотрел, сощурившись, на Мамиллия, потряс бородой и вытер лицо ветошью.

— Все почти готово.

— Ты знаешь, что скоро прибудет Император?

Фанокл кивнул. Мамиллий брезгливо покосился на покрытую угольной пылью палубу.

— Ты что, совсем не готовился к его приему?

— Он просил не устраивать церемоний.

— Но «Амфитрита»
омерзительно грязна!

Фанокл внимательно оглядел палубу.

— Уголь безумно дорог.

Мамиллий осторожно ступил на борт «Амфитриты». От котла на него дохнуло жаром, по лицу заструился пот. Фанокл оглянулся на Талос, затем протянул Мамиллию кусок ветоши.

— Пожалуй, теплее, чем обычно, — согласился он.

Мамиллий жестом отказался от ветоши и вытер залитое потом лицо уголком своего элегантного плаща. Теперь он оказался лицом к лицу с Талосом и смог лучше разглядеть его

устройство. Прямо над палубой на тыльной части сферы виднелся опутанный пружинами выступ. Фанокл, следивший за взглядом Мамиллия, протянул руку и щелкнул по выступу пальцем, отчего тот покрылся матовым налетом и выпустил клуб пара. Он угрюмо уставился на механизм.

— Видишь? Это предохранительный клапан. Я дал подробные инструкции...

Но мастер добавил к устройству крылатого Борея, который стоял, едва касаясь клапана пальцем ноги и надувая щеки. Мамиллий вымученно улыбнулся:

— Симпатично.

Пружины напряглись, со свистом вырвалась струя пара. Мамиллий проворно отскочил. Фанокл потер руки.

— Ну вот мы и готовы.

Он приблизился к Мамиллию, обдав его запахом пота.

— Я уже выводил «Амфитриту» в центр гавани, а однажды и в залив. Она работает легко и уверенно — как звезды в небе.

Отводя взгляд от Фанокла, Мамиллий увидел в сияющем боку Талоса свое искаженное лицо. От заостренного носа и рта оно растекалось по сфере во все стороны. Как бы он ни вертел головой, это лицо с холодными и безжалостными

рыбьими глазами продолжало неотступно следить за ним. Жар от котла и дымящей трубы был невыносим.

— Я хочу выбраться из этого...

Под изогнутыми железными стержнями он пробрался на нос корабля. Воздух здесь был прохладнее, и, сняв шляпу, он стал ею обмахиваться как веером. Фанокл тоже прошел вперед, и они остановились, опершись спинами о фальшборт. На баке триремы, всего в, нескольких локтях над ними, работали невольники.

— От этого корабля можно ожидать только зла и бед.

Фанокл вытер руки и бросил

грязную ветошь за борт. Оба повернулись и посмотрели, как она раскачивается на волнах. Фанокл поднял большой палец, показывая за спину.

— Зла и бед этот корабль не принесет. Только пользу. Ты что, хотел бы работать, как они?

Мамиллий поднял голову и взглянул на рабов. Они столпились вокруг металлического краба.

— Я тебя не понимаю.

— Вот сейчас они установят нок-тали точно по центру и потянут краба вверх — все десять тонн разом. Пар бы сделал это за них без суеты и напряжения.

— Краба наверх мне тащить не

надо. Я не раб.

Став на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть краба, они замолчали. Это была устрашающе самодовольная глыба свинца и железа; если бы ее когтистые лапы не упирались в каменные валуны, палуба наверняка бы не выдержала. Назначение громадины было сугубо утилитарным, по всей Римской империи не сыскать было более практичного монстра — он служил только затем, чтобы падать с высоты на вражеские корабли, пробивать их днища и пускать не мешкая ко дну; но та же сила, что превратила бронзовую затычку бочонка в бабочку и водрузила Борея на

предохранительном клапане, оставила свои следы и на крабе. Чудовищу нарисовали глаза и наметили конечности. Это придало образине такую значительность, что рабы ухаживали за ней подобострастно, они мыли ей лапы так, будто имели дело с чем-то более серьезным, чем обыкновенная грудa металла. Часть рабов разворачивала десятисаженную рею.

Мамиллий отвернулся и посмотрел на палубу «Амфитриты».

— Жизнь, Фанокл, — удручающая грязь.

— Я ее вычищу.

— Пока ты только пачкаешь.

— Ничего, мы еще проживем без

рабов и без армий.

— Чем тебе не угодили рабы и армии? Может, еще скажешь: «Будем жить без пищи, воды и женщин»?

Они снова замолчали, вслушиваясь в портовый грохот и крики на триреме:

— Трави помалу!

— Сегодня вечером Император собирается испробовать скороварку. Ту, что ты сделал для него.

— Он забудет обо всем, когда опробует «Амфитриту». Досточтимый Мамиллий... он уже простил нас за ту, неудачную скороварку?

— Простил, наверное.

— Заводи канат. Взяли. Раз, два.

Раз, два.

— В конце концов, без того эксперимента я бы так никогда и не додумался до предохранительного клапана.

— Он сказал, что не стоило начинать с мамонта. Ругал меня.

— А сейчас?

Мамиллий покачал головой.

— Но троих поваров и северное крыло виллы ему тем не менее жаль.

Фанокл, с которого все еще градом лил пот, кивнул. Потом, вспомнив что-то, нахмурился.

— Как ты думаешь, он это имел в виду, когда сказал: «И по возможности чувство опасности»?

Раб, возившийся в трюме у

топки котла, вылез на палубу; Мамиллий с Фаноклом лениво наблюдали за ним. Он бросил за борт ведро на длинной веревке, вытащил его и вылил воду на свое обнаженное тело. Черные струйки воды, смешанной с угольной пылью, зазмеились по доскам.

— А ну-ка вымой здесь палубу! — крикнул Фанокл.

Раб в раздумье поглаживал свои грязные волосы. Потом зачерпнул еще одно ведро и, широко размахнувшись, с силой выплеснул воду — ноги Мамиллия и Фанокла обдало жидкой грязью. С негодующими криками они бросились вперед, и в тот же миг

раздался треск рвущегося под непомерной тяжестью каната. «Амфитрита» клюнула носом, накренилась и издала громкий клацающий звук — казалось, она с хрустом вгрызлась зубами в собственные деревянные шпангоуты. Послышался гул тупого удара о дно бухты, и с неба на них обрушились потоки воды, нечистот, грязи, масел и дегтя. Фанокл рухнул ничком, Мамиллий согнулся под напором водяного смерча, от потрясения он был не в силах даже выругаться. Ливень прекратился, но палубы залило так, что они стояли по пояс в воде. Талос в ярости изрыгал огромные клубы пара. Затем вода

схлынула, палубы заблестели, над гаванью повис неистовый рев. Наконец Мамиллий распрямился и выругался — шляпа его теперь видом и запахом напоминала коровью лепешку, мокрая и грязная одежда противно липла к телу. Облегчив душу, он повернулся и взглянул на то место, где они только что стояли с Фаноклом. Краб снес шесть футов фальшборта и сорвал обшивку палубы, оголив расплющенные концы бимсов. С реи триремы прямо в воду свисал толстый канат, желтая жижа вокруг него все еще булькала и пузырилась. На триреме шла драка, появившиеся солдаты били дерущихся рукоятями мечей. Из

клубка тел вырвался человек. Он соскочил на причал, схватил большой камень и, прижав его к животу, через стенку мола нырнул в море. Драка прекратилась. Двое телохранителей Императора в немом отчаянии бились головами о мачту.

Заляпанное грязью лицо Мамиллия постепенно бледнело.

— Это первое покушение на мою жизнь.

Фанокл тупо уставился на развороченный борт. Мамиллия затрясло.

— Я никому не делал зла.

Капитан триремы проворно спрыгнул на палубу «Амфитриты».

— Не знаю что и сказать, мой

господин.

Неистовый рев не утихал. Казалось, чьи-то глаза, тысячи глаз следили за ними над изменчивым ковром водяных бликов. Мамиллий в ужасе озирался по сторонам, вглядываясь в молочнобелую пустоту воздуха. Нервы его напряглись до предела. Фанокл жалобно заскулил:

— Они ее повредили.

— А пошел ты со своим вонючим кораблем...

— Мой господин, раб, перерезавший канат, утопился. Мы ищем главаря бунтовщиков.

Мамиллий завопил:

— Oloito!^[3]

Изысканное слово сыграло роль

предохранительного клапана. Мамиллий унял дрожь, но расплакался. Фанокл поднес к лицу трясущиеся руки и смотрел на них так пристально и пытливо, будто в них была скрыта какая-то ценная информация.

— Аварии случаются... Вот только позавчера толстенная доска сорвалась и пролетела всего лишь в нескольких вершках от моей головы. Но мы живы.

Капитан вытянулся в знак приветствия.

— С твоего позволения, мой господин.

И он вспрыгнул на борт триремы. Мамиллий повернул к

Фаноклу заплаканное лицо.

— Ну откуда у меня враги?
Лучше бы меня убило.

Неожиданно ему показалось,
что все в этом мире опасно и
неустойчиво... все, кроме
таинственной красоты Евфросинии.

— Фанокл... отдай мне твою
сестру.

Фанокл оторвал взгляд от своих
рук.

— Мы, господин, свободные
люди.

— Я имею в виду в жены.

Фанокл хрипло закричал:

— Да сколько можно! Доска,
краб... а теперь еще и это!

Дымчато-белый ревущий ад

сомкнулся над Мамиллием. Где-то в
вышине зарокотал гром.

— Я не могу без нее жить.

Фанокл пробормотал, не сводя
глаз с Талоса:

— Ты даже лица ее не видел. И
потом, ты ведь внук Императора.

— Он сделает все, что я захочу.

Фанокл свирепо покосился на
собеседника.

— Сколько тебе лет, мой
господин? Восемнадцать?
Семнадцать?

— Я уже взрослый мужчина.

Фанокл состроил гримасу.

— В силу установленных
людьми законов.

Мамиллий стиснул зубы.

— Извини меня за слезы. Это от потрясения. — Он громко икнул. — Ты меня простил?

Фанокл смерил его взглядом.

— А больше ничего не хочешь?

— Хочу. Евфросинию.

— Это не в моей власти, мой господин.

— Ни слова больше. Мы поговорим с Императором. Он тебя убедит.

У входа в туннель гроыхнул салют.

Император шагал не по возрасту быстро. Впереди бежал глашатай:

— Дорогу Императору!

Свита состояла из телохранителя и нескольких женщин

— лица дам прятались под вуалями. Мамиллий в панике заметался по палубе, но женщины отошли в стороны и заняли места вдоль стенки мола. Фанокл рукой заслонил глаза от солнца.

— Он привел ее посмотреть демонстрацию.

Капитан триремы семенил рядом с Императором, что-то объясняя ему на ходу. Император задумчиво кивал своей посеребренной головой. Он взошел по трапу на трирему, пересек палубу и посмотрел вниз на диковинный корабль. Даже в такой обстановке сухощавая фигура в белой тоге с пурпурной каймой несла на себе

печать спокойного величия. Он не стал опираться на протянутую руку и сам сошел на палубу «Амфитриты».

— Не трать слов на рассказ о крабе, Мамиллий. Я все уже знаю от капитана. Поздравляю тебя со счастливым спасением. И тебя, конечно, тоже, Фанокл. Демонстрацию придется отменить.

— Цезарь!

— Понимаешь, Фанокл, сегодня вечером меня на вилле не будет. Твою скороварку мы испробуем как-нибудь в другой раз.

И снова Фанокл застыл с разинутым ртом.

— Дело в том, — спокойно продолжал Император, — что в это

время мы будем в море на «Амфитрите».

— Цезарь!

— Останься, Мамиллий. У меня есть для тебя новости. — Он помолчал, прислушиваясь к шуму гавани. — Не любит меня народ.

Мамиллия снова затрясло.

— И меня тоже. Чуть не убили.

Мрачная улыбка мелькнула на губах Императора.

— Это не рабы, Мамиллий. Я получил донесение из Иллирии.

Под грязью, покрывавшей лицо Мамиллия, угадывалось выражение испуганного понимания.

— Постумий?

— Он внезапно прервал

военную кампанию и сосредоточил войска в морском порту. Сейчас он обшаривает побережье и забирает все — от триремы до рыбацкой лодки.

Мамиллий быстро и неловко шагнул, едва не попав в ручки Талоса.

— Решил отдохнуть от героических дел.

Император подошел к внуку почти вплотную и осторожно прикоснулся пальцем к его мокрой тунике.

— Нет, Мамиллий. Он просто узнал, что у внука Императора проснулся интерес к оружию и боевым кораблям. Будучи реалистом,

он боится твоего влияния. Не исключено, что злонамеренные люди подслушали злополучную беседу на галерее. Нельзя терять ни минуты, — Он повернулся к Фаноклу. — Нам нужен и твой совет. Как скоро мы сможем дойти на «Амфитрите» до Иллирии?

— В два раза быстрее, чем на твоих триремах, Цезарь.

— Мамиллий, мы отправляемся вместе. Я — чтобы убедить Постумия, что я все еще Император, а ты — чтобы разубедить его в том, что желаешь им стать.

— Но это же опасно!

— Тогда оставайся и жди, когда тебе перережут горло. Не думаю, что

Постумий позволит тебе покончить с собой.

Фанокл стоял, прижав кулаки ко лбу. Император кивнул в сторону мола, и через палубу триремы цепочкой потянулись рабы с поклажей. С кормы торопливо прибежал маленький сириец. Глотая слова, он заговорил с Мамиллием:

— Мой господин, это невозможно. Императору здесь негде спать. И посмотри на небо.

Небо было затянуто облачной дымкой — не единого синего островка. Солнце расплылось в большое светлое пятно, готовое вот-вот скрыться за облаками.

— И как я смогу держать точный

курс, когда неба не видно и нет ветра?

— Это приказ. Милый дедушка, давай сойдем на берег хотя бы на минутку.

— Зачем?

— Корабль такой грязный...

— Да и ты, Мамиллий, не чище.

От тебя отвратительно пахнет.

Сириец бочком придвинулся к Императору.

— Если это приказ, Цезарь, я сделаю все возможное. Но позволь нам сначала вывести корабль из гавани. Ты сможешь перейти на него со своей галеры.

— Да будет так.

По триреме они прошли вместе.

Потом Мамиллий, отвернувшись от женщин, бегом скрылся в туннеле. Император дошел до галеры, стоявшей на мертвом якоре у кормы триремы, и удобно устроился под балдахином. Только теперь он увидел, насколько нелеп и уродлив новый корабль. Он тихо покачал головой:

— Не по душе мне все эти новшества.

Толпу рабов с палубы «Амфитриты» постепенно засасывало в трюм, несколько человек торопливо заканчивали последние приготовления. Команда триремы толкала корабль Фанокла вальками весел, и наконец он

сдвинулся вбок. Швартовы с плеском упали в воду, матросы втащили их на борт. Сидящий в пурпурной тени Император смотрел, как рулевой, орудуя веслами, старается прижать корму и освободить носовые полуклюзы. Из бронзового брюха Талоса вырывались струи пара. Потом он увидел, что Фанокл высунул голову из трюма и взмахом руки остановил рулевого. Он что-то прокричал вниз, где находилось чрево машины: струя пара увеличилась — свист стал таким пронзительным, словно воздух скребли напильником, — а потом исчезла совсем. В ответ с кораблей и из домов донесся ворчливый рев — и

вот «Амфитрита» лежит в центре гавани огромной беззащитной ящерицей.

Император обмахивался рукой.

— Я всегда знал, что в поведении толпы нет ничего загадочного.

Внутри корабля что-то хрюкнуло, потом раздался металлический лязг. Все четыре руки Талоса пришли в движение, две поползли вперед, две назад. Колеса медленно повернулись, левое — в одну сторону, правое — в другую. Лопасты опускались — шлеп, пауза, шлеп! — разбрызгивая грязную воду. Выныривая, они бросали ее высоко вверх, откуда она ливнем

устремлялась на палубу. На корабле не осталось ни единого сухого места, над ним вновь повисло облако пара — на сей раз пар валил от раскаленного котла и трубы. Из трюма слышался дикий вопль, на палубу выскочил Фанокл и, замерев, принялся внимательно изучать великий потоп — сквозь прищур глаз он смотрел так зачарованно, будто в жизни не видывал ничего интереснее. Вперед «Амфитрита» не продвигалась, но вертелась вокруг своей оси; вода из-под лопастей фонтанами взлетала в воздух. Фанокл крикнул что-то в люк, из клапана со свистом вырвался пар, колеса, скрипнув, остановились; с

«Амфитриты» струями стекала вода — казалось, она только что вынырнула со дна бухты. На застрявший в центре гавани корабль, свистящий предохранительным клапаном, обрушился тысячеголосый крик. В мареве над холмами блеснула молния, и почти сразу же пророкотал гром.

Император украдкой сделал знак, отгоняющий злых духов.

Молния эта, однако, была ниспослана богами явно не к месту. Ожидая, что «Амфитрита» вот-вот погибнет от гнева провидения, Император прикрыл глаза рукой, но все же успел заметить на воде еще одно дурное предзнаменование. За

стенкой мола, в открытом море, сквозь клубы пара виднелось что-то внушительное. Император — времени на раздумье не было — решил, что это вершина скалы или небольшого утеса. Но скала росла.

Император поспешно выбрался на берег, подошел к тому месту, где сидели женщины, по ступеням поднялся на стенку мола. Скала выплыла из тумана. Это была носовая часть громадного боевого корабля, из его трюма неся мерный барабанный бой. Корабль выравнивал курс, чтобы пройти точно посередине узкой полосы воды между двумя молами. Он надвигался неумолимо — паруса убраны, с обеих

носов свисает по крабу, метательные машины нацелены на порт, палубы сверкают сталью и бронзой, стрела тарана рассекает воду, словно плавник акулы. Барабан перешел на новый ритм. Пятнадцатисаженные весла прижались к корпусу — слаженность операции была такой, будто ею руководил мировой разум. Корабль скользил через узкий проход, его таран уже втиснулся в гавань. Снова изменился ритм барабанного боя. Минуя молы, весла пара за парой разворачивались, опускались в воду и табанили. На шканцах корабля Император заметил золотистоалое знамя, древко которого было увенчано грозным и мстительным

орлом. Он спустился со стенки и, не отвечая на испуганные вопросы женщин, поспешил на свою галеру под защиту балдахина.

На борту «Амфитриты» тоже заметили боевой корабль. Император видел, как Фанокл и капитан спорили между собой, размахивая руками. Фанокл нырнул в люк, струя пара исчезла, лопасти колес снова пришли в движение. В тот же миг капитан заметался по палубе, блеснул металл, и якорь «Амфитриты» плюхнулся в воду. А барабаны уже выбивали следующий приказ. Как распростертые крылья, весла боевого корабля замерли в горизонтальном положении. Корабль

скользил, теряя ход, словно огромная морская птица, изготовившаяся сесть на воду. Таран ударил «Амфитриту» в правое колесо и смял его. По жестким спицам весел поползли люди, они прыгали вниз, раздавали удары рукоятями мечей и тупыми концами копий. Ворчливо-шумная гавань одобрительно заревела. Фанокла и капитана подняли на веслах и швырнули на палубу боевого корабля. Весла снова заработали, таран отошел от расплющенного колеса. «Амфитрита», едва двигая колесами, закружилась вокруг собственного якоря. Боевой корабль разворачивался к молу, где стояла трирема и восседал Император.

Император

задумчиво

пощипывал пальцами нижнюю губу. У входа в гавань маячили новые утесы, военные корабли кружили на месте, ожидая команды войти в порт. Еще раз сверкнула молния и прогрехотал гром, но на этот раз Император не обратил на них внимания. Мамиллий стоял у императорской галеры с видом человека, которого застигли врасплох. Император, скосивший глаза на Мамиллия, был ошеломлен не менее его.

Мамиллий облачился в военные доспехи. Его нагрудник поражал воображение аллегорическим сборищем героев и кентавров. Алый

плащ ниспадал до пят. Ножны из красной кожи, в которых покоился меч, гармонировали с красной кожаной отделкой высоких башмаков, доходивших почти до колен. Бронзовый шлем, который он держал под мышкой, по замысловатости рисунка и качеству материала не уступал нагруднику.

Император закрыл на мгновение глаза и прошептал:

— Жених Беллоны.

Мамиллию стало немного не по себе. Он зарделся.

— Я думал... раз уж мы едем на войну...

Император изучал детали его военной формы.

— Теперь я понимаю, как пали Карфаген и Троя.

Мамиллий краснел, бледнел и, покрываясь обильным потом, снова краснел.

— Ты знаешь, чьи это корабли?

— Я...

Император горестно покачал головой.

— В сложившейся обстановке женский наряд вызвал бы меньше подозрений и кривотолков.

Все это время Мамиллий закрывался от женщин полой своего плаща. Когда борт боевого корабля поравнялся с триремой, он увидел, как полощется на шканцах золотисто-алое знамя. Таран корабля

оказался рядом с императорской галерой. Еще раз кровь отхлынула от лица Мамиллия и больше уже не возвращалась.

— Что же нам делать?

— Чтобы что-то делать, необходимо время, а у нас его нет. Впрочем, можешь надеть свой шлем.

— У меня от него голова болит.

— Дипломатия, — сказал Император. — У него солдаты — любо-дорого посмотреть! А у нас — голова на плечах. Будет очень скверно, если мы не сумеем все уладить.

— А как же я?

— По правде сказать, в Китае ты бы сейчас был в большей

безопасности.

Император взял Мамиллия за руку и ступил на берег. Он пошел по молу к боевому кораблю. Мамиллий поплелся следом. Толпа с палубы прибывшего корабля хлынула на трирему, оттуда на мол; дальний его конец был забит до отказа. Там стояли пленные, жалкий и униженный сириец, рабы. Там же были близоруко озиравшийся, взъерошенный Фанокл и солдаты, слишком много солдат. Навьюченные тюками, они, казалось, собрались на гигантскую барахолку. На всех красовались желто-красные ленты. При виде пурпурной каймы на белой тоге они застыли по стойке

«смирно» даже под тяжким бременем награбленной добычи. Император остановился у трапа. Позади него у стенки мола расположилась стайка женщин в вуалях; их перепуганный вид вызывал в памяти хор троянских пленниц из трагедии Еврипида. Низко прогудела большая духовая труба, лязгнуло оружие, флаг на мачте спустили. По трапу размашистым, уверенным шагом сошел высокий темноволосый человек, он был крепко сбит, вооружен и настроен решительно.

— Добро пожаловать домой, Постумий, — с улыбкой сказал Император. — Твой приезд отменяет решение Императора навестить

тебя...

III. Гнев громовержца

Постумий помедлил. Золотистое перо его шлема колыхалось в полулукте над головой Императора. На широком оливково-смуглом лице появилось недоверчивое выражение.

— Где ты спрятал свои войска?

Император удивленно поднял брови:

— Несколько часовых стоят, как обычно, в саду и, видимо, еще с полдюжины — у туннеля. А ты, Постумий, как я вижу, путешествуешь с внушительной свитой.

Постумий повернулся и отдал своим офицерам несколько коротких распоряжений. Отряд тяжело навьюченных легионеров пробежал по молу и выстроился так, чтобы отрезать Императору единственный путь отступления. Женщины взвыли, потом перешли на монотонные причитания. Император сделал вид, что ничего не заметил, и повел Постумия к своему кораблю. «Амфитрита» продолжала медленно кружиться.

Постумий остановился.

— Мне давно следовало навеститься домой.

В небе снова загромыхало. Император оглянулся на плотный

строй солдат, перегородивших мол у туннеля.

— Не меньше сотни, я думаю. Почетный караул в честь Императора?

Постумий фыркнул.

— Можешь считать, что так. Скоро в гавань войдут новые корабли. Их будет достаточно, чтобы обеспечить наше полное единодушие по всем вопросам текущей политики. Но какой подарок судьбы, что я встретил вас обоих на молу!

Мамиллий откашлялся и заговорил высоким срывающимся голосом:

— Постумий, ты ошибся.

— Ба... Мамиллий в военных

доспехах.

— Это для красоты.

Императором я быть не хочу.

— Вот оно что!

Постумий шагнул к Мамиллию, тот испуганно попятился, наступив на свой плащ. Постумий ткнул ему пальцем в лицо.

— Ты, может быть, и не хочешь. Но он, чтобы ублажить тебя, Адриатическое море ложкой вычерпает.

Лицо Императора покрылось нежным румянцем.

— Ты, Постумий, никогда не искал моего расположения, а потому никогда не страдал без него. Если я выказал недомыслие, наивно

полагая, что могу наслаждаться обществом Мамиллия с риском разве что обычного скандала, то я же проявил и мудрость, считая тебя при всех наших расхождениих своим наиболее достойным преемником.

— У меня на этот счет другие сведения.

— Может быть, мы не будем обсуждать на людях наши разногласия?

Постумий пропустил последние слова мимо ушей и выудил из-под нагрудника сложенный лист бумаги.

— Кому: Постумию, законному наследнику и прочая.

От кого: от СШ.

На молу рядом с туннелем идут работы по строительству и переоборудованию боевых кораблей и другой военной техники. Император и досточтимый Мамиллий проявляют большую личную заинтересованность в модернизации корабля под названием «Амфитрита» (бывшая зерновая баржа, в Морском регистре не значится) и метательной машины (регистрационный № VII), которая

установлена на молу и
наведена на боевые цели в
районе открытого моря.
Они же проводят
крупномасштабные
эксперименты по
разработке новых методов
отравления пищевых
продуктов. Досточтимый
Мамиллий находится в
состоянии крайнего
возбуждения и нервической
приподнятости...

— Постумий, я клянусь...

Постумий повысил голос:

— «Под видом сочинения стихов

он ведет секретную переписку с

Императором и некоторыми другими лицами...»

Лицо Мамиллия пылало.

— Оставь в покое мои стихи!

— «Код пока не дешифрован.

Передан в XLVI отдел Центрального Разоблачительного Управления; там обнаружили, что его составляют цитаты из Мосха, Эринны, Мимнерма и других, еще не установленных источников. Дешифровка продолжается».

Слезы бессильного гнева катились по щекам Мамиллия.

— Ты — грязная свинья!

— В этой жестокости,

Постумий, не было никакой необходимости.

Постумий свернул бумагу и сунул ее за нагрудник.

— Поиграли, Цезарь, и хватит. Пора вводить регентство.

— Он не хочет быть Императором.

Постумий глумливо ухмыльнулся в сторону Мамиллия.

— Он им и не будет.

Доспехи Мамиллия слабо позвякивали. Император положил руку на плечо Постумия.

— Раз уж корабль и метательная машина так тебя беспокоят, я все объясню. Будь справедлив. — Он повернулся к офицерам и сказал, повысив голос: — Грека ко мне.

Постумий кивнул в знак

согласия. Все замерли в ожидании. Скоро Фанокл стоял перед ними, растирая затекшие руки.

— Все дело в этом человеке.

— Досточтимый Постумий... я изменяю мир.

— Это у него такая своеобразная манера говорить, Постумий.

— Рабов заменит уголь и железо. Мы соединим самые отдаленные точки земли.

Постумий засмеялся, но от смеха никому веселее не стало.

— И люди будут летать.

Постумий повернулся к офицерам и кивком подозвал одного из них.

— Полковник... почему корабли

не входят в гавань?

— Плохая видимость, генерал.

— К черту плохую видимость.

Дайте сигнал или пошлите нарочного.

Он снова повернулся к Фаноклу.

— Этот фантастический корабль...

Фанокл всплеснул руками.

— Самое быстроходное судно в мире. Цивилизация — это вопрос коммуникаций. — Он нахмурился, подыскивая слова попроще. — Досточтимый Постумий, ты — солдат. В чем твоя самая большая трудность?

— У меня их нет.

— Ну а если бы были?

— Не дать себя обскакать.

— Ты видишь? Даже война — вопрос коммуникаций. Вспомни хитрости, на которые пустился Ксеркс, пытаясь завоевать Грецию. На «Амфитрите» он переплыл бы Эгейское море за день, даже против ветра.

Дрожащий от страха Мамиллий услужливо вставил:

— Вспомни Гая Юлия Цезаря, Александра Македонского, Рамсеса...

Фанокл склонил голову набок и развел руками, показывая, что нет ничего проще.

— Понимаешь, мой господин, — коммуникации.

Император задумчиво покачал головой:

— Чем они хуже, тем лучше.

Снова проворчал гром. Постумий решительно направился к метательной машине, женщины в испуге съежились. Шум в гавани нарастал.

— А это?

— Пришлось заточить молнию в бочонок. Когда жало о что-нибудь ударится, молния вылетит на свободу. И тогда в земле образуется дымящаяся дыра.

Император сделал знак от злых духов.

— А зачем нужна бабочка?

— Антидетонатор снаряда. Без

него снаряд взорвется еще в катапульте. Как только бочонок пролетает какое-то расстояние, бабочка отлетает.

— Ну а если он упадет на городскую стену, то и вместо нее будет дымящаяся дыра?

— Да, Цезарь.

— А если на армию?

— Можно и на армию, надо только найти подходящий бочонок.

Постумий внимательно разглядывал Фанокла.

— Ты только одну такую штуковину сделал?

— Да, мой господин.

— Даже не знаю, сразу удавить тебя или употребить на что-нибудь

другое.

— Меня удавить?

Неожиданно гавань взревела так, что далее не обращать на это внимания стало невозможно.

Все одновременно повернулись.

«Амфитрита» — поняли они сразу. Она все вращалась и вращалась вокруг своего якоря в центре гавани, и такая вызывающая эксцентричность не могла, разумеется, не переполнить чашу терпения всех, у кого в жилах текла кровь. Голые люди ныряли с кораблей и причалов, и вот уже над водой замелькала сотня рук.

Фанокл закричал:

— Да что же это?..

Постумий быстро отдавал распоряжения полковнику:

— Все войска высадить здесь, на этом молу. Проследи, чтобы ни Император, ни его свита не пожелали удалиться отсюда. Желания Императора для нас священны. Ты понял?

— Да, генерал.

Постумий побежал к галере, но Император окликнул его:

— Чтобы не терять времени даром, я, пожалуй, устрою смотр собравшимся на молу великолепным парням.

Полковник взглянул на Постумия — тот добродушно рассмеялся:

— Делай, как велит тебе Отец Отечества.

Дуга пловцов стянулась к «Амфитрите», под барабанную дробь в гавань входил второй боевой корабль. Фанокл в отчаянии заламывал руки.

— Останови их, Цезарь!

Люди облепили «Амфитриту» — они рвали лопасти и били бронзового монстра попадавшими под руку тяжелыми предметами. Часовой, которого Постумий оставил на ее борту, плюхнулся в воду, помелькав в воздухе руками и ногами. Из трюма корабля потянулась струйка дыма. Голые фигуры стали прыгать за борт — в

центре палубы уже вырывались наружку тонкие, едва различимые, почти еще призрачные язычки пламени. На втором боевом корабле заметили опасность и начали энергично табанить. Весла разбивались о мол, но обратный путь был закрыт. Третий корабль, возникший из знойного марева, врезался своим тараном во второй. Еще несколько дюжин весел разлетелись в щепы, корабли потеряли управление, их медленно понесло на «Амфитриту». Постумий, изрыгая проклятия, прыгнул в императорскую галеру.

— Отчаливай! Весла на воду!

— Отряд к смотру готов, Цезарь.

— Полковник, а как же солдаты, которые выстроились между мной и туннелем? Пусть и они становятся в строй.

— Цезарь, я получил приказ...

— Вот уж не думал, полковник, что ты и твои brave ребята не справятся со стариком и полудюжиной женщин, надумай они совершить побег!

Полковник сглотнул слюну.

— Возможно, Отец Отечества в последний раз инспектирует свои войска. И ты слушаешься, полковник? Я ведь тоже солдат.

Кадык полковника заходил вверх-вниз. Его распирало от

волнения и понимания важности момента. Он с восторженным подобострастием отдал честь Императору.

— На пара-а-ад бего-о-ом марш!

— И оркестр, — добавил Император. — Я, кажется, где-то видел оркестр. Как насчет оркестра, полковник?

Четвертый боевой корабль плавно входил в гавань. Бронзовый котел «Амфитриты» был уже едва различим в клубах дыма и языках пламени. Лопасты колес быстрее зашлепали по воде. Якорный канат натянулся. Постумий гаркнул:

— Табань, чер-р-рт тебя подери!

Флейты, букцины и тубы. Трубка литууса опоясывала торс, гигантский колокольчик раструба повис над плечом. Барабаны, литавры и медь. Все в алых и золотых тонах.

Войска в парадном строю заполнили мол от триремы до дальнего конца. Оркестр строился на маленьком пяточке между солдатами и катапультой. Женщины заламывали руки. «Амфитрита» кружилась, выбрасывая вверх дым и пламя. Четвертый корабль пытался обогнуть ее и две другие триремы. Пятый изготовился войти в гавань.

— Оркестр!

«Амфитрита» завертелась быстрее. Стравив пару сажень якорного каната, она описала более широкий круг, задела два сцепившихся корабля — такелаж вспыхнул. Постумий в бешеной злобе скакал по галере.

— Отпускай крабы!

«Амфитрита» выпустила еще сажень-другую каната. Теперь на ее пути оказалась императорская галера: удар, и от ее царственного величия не осталось и следа. Круг за кругом выписывала она по воде под неумолкающие вопли Постумия, не в силах ускользнуть от огненного дыхания «Амфитриты».

Оркестр заиграл.

— Развернутым строем,
полковник?

Полковник колебался.

— Здесь нет места, Цезарь.
Солдаты попадают в воду.

— В таком случае, — сказал
Император, — снаряжение и добычу
им придется взвалить на себя, иначе
я не смогу пройти между рядами.

Оркестр маршировал между
отрядом и катапультой: десять шагов
вперед, десять назад. Великолепные
музыканты! Великолепный строй
великолепных солдат. Великолепные
моряки на невыразимо великолепных
боевых кораблях. Женщины
чувствовали, что ради таких

великолепных мужчин стоило
оказаться во власти генерала
Постумия и поставить жизнь на
карту. Вздыхались груди, блестели
взоры, от восторга замирала душа.
Мамиллий надел шлем. Император
остановился у левофлангового
первой шеренги.

— Так сколько же лет ты
служишь в армии, дружище?

Якорный канат «Амфитриты»
прогорел и с треском лопнул.
Равномерное круговое движение
сменилось беспорядочным
рысканием. Она задела за швартовы
торгового судна, которое стояло у
склада, — огонь мгновение

перекинулся на берег.

— Крабы... крабы отпускайте!

И тотчас же на кораблях каждым овладела одна мысль — немедленно выбраться из гавани. Горящий боевой корабль, заваливаясь кормой, медленно проплыл мимо мола — строй солдат обдало жаром. Все пространство гавани вдалеке от ужасного дыхания пылающей «Амфитриты» было забито большими и малыми судами, давившими друг друга в попытках выбраться на спасительную открытую воду, подернутую легкой дымкой. А надо всем этим месивом неслись раскаты грома, сверкали молнии и играл оркестр.

— Где это так изуродовали твое лицо? Копьем задели? А может, бутылкой?

Легионеры стояли навывтяжку по стойке «смирно» под грузом военных доспехов (64 фунта^[4]), походного снаряжения, завоеванной добычи и ужасающей жары. Полковник так внимательно следил, как на его носу набухает капля пота, что оба его зрачка намертво застыли у переносицы. В первой шеренге Император не пропустил ни одного солдата.

Затравленной стаей кружились боевые корабли в центре гавани — «Амфитрита» висела у них на хвосте.

Один из капитанов, заметив галеру, застыл на шканцах в приветствии Постумию. В этот момент то ли канат прогорел, то ли кто-то переусердствовал — краб отпустили. Черная звездообразная дыра зияла на том месте, где только что стоял капитан. Он пошел на дно вместе с кораблем.

— Это же надо, какой детина вымахал. Любишь армию? Ты посмотри, какая вмятина. Наверное, угодило камнем из пращи. Только пращой можно сделать такую ямину. А ты как думаешь, полковник? Не отдавай щит, даже если интендант попытается всучить тебе новый.

Скажи, Император не велел. А дети у тебя есть? Ни одного? Это не годится, сразу после смотра дадим тебе отпуск.

Слово «отпуск» поползло по рядам. Легионеры решили стоять насмерть, но кое-кто уже дрогнул. Император продвигался вдоль первой шеренги с удручающей неторопливостью.

— Почему мне так знакомо твое лицо? В Девятом легионе не служил? Грецию помнишь? И тебя до сих пор не повысили? Полковник, это не дело, я прошу тебя разобраться.

Второй боевой корабль выбирался сквозь скопище мелких

суденышек. В погоне за императорской галерой «Амфитрита» неслась к выходу из гавани.

— Чем ты, дружище, лечишь такой здоровый фурункул?.. Полюбуйтесь-ка на этого парня — вот уж вояка так вояка. И как только тебе удастся держать три таких здоровенных тюка? Звать-то тебя как?

Вдруг раздался оглушительный лязг, и перед Императором стало пусто. Легионер рухнул.

— Я уже говорил, что теперь, когда наследник привел их к Отцу, пора подумать об их отдыхе.

— Цезарь...

— Где же тебе глаз-то выбили?

Ты уж побереги оставшийся.

Гр-р-рох — отмучился еще один.

На воде горело вытекавшее из складов масло. Густое облако черного дыма на время скрыло ряды солдат.

Император доверительно говорил полковнику:

— Ты видишь, как причудливо сплелась здесь трагедия с комедией. Чьи приказы ты будешь выполнять? Эти солдаты должны тушить пожар.

Зрачки полковника на минуту вернулись в нормальное положение.

— У меня приказ, Цезарь.

— Вот и отлично. Ну, дружище, армию любишь? Мужчину она из тебя сделала?

Гр-р-рох.

— Дисциплина, — сказал Император правофланговому, — полезная штука.

— Как понимать тебя, Цезарь?

— Я имел в виду — совершенно необходимая.

Император стоял в конце мола и смотрел на черную от копоти воду гавани. Беспрерывным потоком проплывали мимо него опаленные корабли. Оркестр заглушал человеческие голоса, но, судя по искаженным лицам, они кричали о

чем-то важном и очень личном. «Амфитрита» и императорская галера прошли мимо почти одновременно.

— Скажи мне, сержант, если я прикажу: «Направо, шагом марш», ты выполнишь мою команду?

Старый сержант с красным обветренным лицом был стреляный воробей, такого на мякине не проведешь. Его добыча, стоившая всего остального барахла на молу, уместилась в маленьком мешочке под нагрудником. Но даже с него пот лил в три ручья.

— В полной выкладке, Цезарь? — На мгновение его глаза, привыкшие есть начальство,

метнулись в сторону и вниз. — Я-то с удовольствием.

Взгляд Императора подернулся поволокой — и виной тому были не только дым и пот.

— Генерал! Цезарь! — вырвалось у полковника. Меч в его руках дрожал, на шее вздулись толстые, как ветви старого плюща, вены.

Император понимающе улыбнулся и начал пробираться между шеренгами солдат. Он протиснулся в туннель из громадных тюков, ноздри защекотало от тяжелого спертого воздуха, ряд выпученных, налитых кровью глаз неотрывно смотрел на него слева.

Правда, там, где отборные солдаты Постумия лежали в беспамятстве на спинах, дышать было полегче — в живом коридоре образовались вентиляционные окна. Полковник, Мамиллий и Фанокл гуськом пробирались за Императором. В панический гам, повисший над городом, гаванью и кораблями, время от времени врывался громкий лязг — это один за другим падали легионеры.

Боевые корабли исчезали в знойном мареве открытого моря, а маленькие суденышки уже спешили назад. Ход «Амфитриты» замедлился. Как только котел ее

разогревало пламенем пожара, она, шлепая лопастями, делала неловкий рывок вперед. Но колеса выбрасывали вверх столько воды, что костер заливало, и она постепенно останавливалась. Уморительными скачками двигалась «Амфитрита» — предвидеть, куда она рванется в следующий миг, было выше человеческого разума. Корпус ее погружался в воду все глубже.

Оркестранты играли без передышки.

Гр-р-рох. Гр-р-рох. Гр-р-рох.

Парадным шагом вперед, потом назад, сложные перестроения между редущими рядами легионеров. «На

сопках Древнего Рима», «Адриатические волны», «Ведет нас в бой прекрасная Минерва», «Глади-глади-глади-гладиатор», отрывки из «Симфонии Девятой Героической Когорты» и «Как провожали нас гетеры». Пылали жилые дома, веревки с бельем вспыхивали, словно корабельный такелаж. Вино в складах горело синим пламенем, зерно дымилось и смердело.

— А сейчас, — сказал Император, — я произнесу речь.

Он взобрался на стенку мола и немного постоял, обмахиваясь рукой.

— Ты не хочешь повернуть их ко мне лицом, полковник?

Оркестр уже еле ползал, город

горел, «Амфитрита» тонула с шипением и свистом. Горожане карабкались на окружающие холмы. Величественная сцена божественно-бесстрастного разрушения. Гр-р-рох.

— ...наблюдал за вами с чувством растущей гордости. В нынешние декадентски-упадочнические времена вы демонстрируете образцы высочайшего духа, которыми славен Рим. Приказы выполнять, не рассуждать — в том доблесть ваша.

Мамиллий стоял у подножия стенки и прямо перед собой видел тени Императора и полковника. Одна из них мерно покачивалась.

— Под немилосердно палящим солнцем и шестьюдесятью четырьмя фунтами бронзовых доспехов, держа на плечах нелегкие плоды своих праведных трудов, вы стояли и терпели, потому что таков приказ. Ничего другого мы и не ждали от наших солдат.

Мамиллий, попеременно переставляя носки и пятки ног, сдвинулся с места — этому он научится в детстве. Глядя прямо перед собой, он плавно и незаметно перемещался все ближе к туннелю. Вскоре женщины и спасительная тень катапульты скрыли его.

— На ваших глазах горели корабли. Безжалостный огонь пожирал город. Здравый смысл призывал вас тушить пожары. Пошлый и безответственный гуманизм предательски нашептывают, что-де женщины и дети, больные и престарелые ждут вашей помощи. Но вы — солдаты и вы выполняете приказ. Я поздравляю Рим — у него славные защитники.

Мамиллий исчез. Женщины живописной группой расположились между солдатами и туннелем. Полковник обнаружил, что не видит ничего, кроме двух мечей, держать их очертания в поле зрения становилось

все труднее. Чтобы как-то справиться с ними, он предусмотрительно поддержал левой рукой запястье правой.

Император напомнил солдатам о славной истории Рима.

Ромул и Рем.

Гр-р-рох.

Манлий Капитолийский,
Гораций Коклес и Знаменосец IX
легиона. [\[5\]](#)

Гр-р-рох.

Император в общих чертах обрисовал основные этапы римских завоеваний, подробно остановился на многочисленных подвигах римского войска. Коснулся истории Греции и ее упадка; не забыл

упомянуть о праздности египтян.

Гр-р-рох. Гр-р-рох.

Неожиданно полковник исчез со стенки гавани. В море за спиной Императора что-то смачно чавкнуло — и все. Тяжелы вы, доспехи полковника.

Император говорил о воинских доблестях.

Гр-р-рох.

Из тумана в полумиле от гавани вновь появилась императорская галера. Направляясь ко входу в гавань, она уже едва шевелила веслами.

Гордость легиона.

Гр-р-рох.

Честь легиона.

Наступила кульминация. У самых ног Императора, там, где только что упали трое легионеров, все и началось. Волна тошнотворного запала накрыла парад, и некогда стройные ряды разом провалились в спасительное забытие. Дальняя часть мола была завалена беспомощными телами солдат и музыкантов — последние не слышали уже ничего, кроме биения собственных преданных сердец. Император с сочувствием посмотрел на них.

— Самосохранение.

Мамиллий и императорская

стража вырвались из туннеля. Их было около двух дюжин — здоровых мужчин, отдохнувших в прохладе тенистого сада и готовых теперь учинить небольшое бодрящее зверство. Мамиллий размахивал мечом, распевал партию хора из трагедии «Семеро против Фив» — одну из тех, от которых кровь стынет в жилах, — и пытался бежать в такт мелодии. В тот же миг императорская галера гулко стукнулась бортом о причал. Грязный, раскосмаченный Постумий выбрался на берег, клокая от гнева. Стража Императора сломала строй, подбежала к Постумию и схватила его. Он отбросил двоих и, рыча как

зверь, прыгнул с обнаженным мечом на Мамиллия. Мамиллий замер на месте, сжал руки, стиснул коленки, выпятил подбородок. С греческого языка он перешел на родной:

— Рах!.. [\[6\]](#)

Постумий занес меч над головой Мамиллия. Император закрыл глаза. Услышав звук, похожий на удар гонга, он открыл их снова. Постумий пытался скинуть с себя ораву насевших на него солдат. Мамиллий кружился на месте, пытаясь сдернуть шлем, но не тут-то было: голова его теперь сидела в нем прочно, по уши.

— Ты, Постумий, грубиян и невежа, дурно воспитанный человек, вот ты кто. У меня теперь разболится

голова.

Император спустился со стенки мола.

— Что за человека привез с собой Постумий в галере?

Начальник стражи застыл в приветствии.

— Пленника, Цезарь. Судя по виду, раба.

Пальцем одной руки Император постучал по ладони другой.

— Законного наследника и раба проводите через туннель. Двое твоих людей поведут досточтимого Мамиллия. Сейчас не время вытаскивать его из шлема. Уважаемые дамы, демонстрация окончена. Вы можете вернуться на

виллу.

Он остановился у катапульты и оглянулся. Словно обитатели морского дна во время отлива, на молу слабо шевелились почетный караул и оркестр.

— Шестеро твоих людей должны удерживать туннель во что бы то ни стало. Пусть никого не пропускают без твоего приказа.

— Слушаюсь, Цезарь.

— Остальных можешь разместить в саду. Чтобы не маячили на виду, спрячь их в кустах. Выполняй.

— Слушаюсь, Цезарь.

Сад был по-прежнему тих и

спокоен. Император стоял у пруда с лилиями и с наслаждением вдыхал ароматный воздух. Внизу кое-где снова проступала гладь моря. Выровняв дыхание, он повернулся к небольшой группе мужчин.

— Постумий, ты обещаешь вести себя прилично, если я прикажу страже отпустить тебя?

Постумий посмотрел на черную пасть туннеля. Император, поймав его взгляд, покачал головой.

— Выбрось из головы надежду вырваться через туннель. У стражи есть приказ. Оставь! Давай обсудим все спокойно.

Постумий стряхнул с себя охранников.

— Что ты сделал с моими солдатами, колдун?

— Проверка, Постумий, обычная проверка. Я только растянул ее во времени.

Постумий потянулся за шлемом и надел его. Ало-золотистое перо кое-где обгорело.

— Что меня ждет?

Император скривил губы в улыбке:

— Посмотри на Мамиллия. Ты можешь представить его в роли Императора?

Мамиллий лежал на животе поперек каменной скамейки. Двое солдат держали его за ноги. Третий силился стянуть с него сплющенный

шлем.

— Информация агента точна и обстоятельна.

Император согнул палец:

— Фанокл.

— Я здесь, Цезарь.

— Раз и навсегда объясни законному наследнику, чем ты занимался.

— Я уже говорил ему, Цезарь. Ни рабов, ни войн. Постумий презрительно ухмыльнулся:

— Пусть приведут пойманного мной раба. Он один из тех, кто сжег твой корабль.

Двое солдат вывели раба — они заломили ему руки, отчего тот согнулся в три погибели. Раб был все

еще гол, хотя успел обсохнуть. Этому темнокожему бородатому детине ничего не стоило бы разорвать льва голыми руками.

Император смерил его взглядом.
— Кто он?

Солдат схватил раба за волосы, поворачивая его голову из стороны в сторону, потом рванул резко вверх — раб сморщился от боли. Постумий наклонился рассмотреть метки на ушах. После его кивка солдат отпустил голову пленника.

— Зачем ты это сделал?

Раб отвечал хриплым и неровным голосом отвыкшего говорить человека:

— Я гребец.

Брови Императора поползти
вверх.

— Придется приковывать
гребцов к веслам, если это, конечно,
не потребует больших
дополнительных расходов.

Раб попытался всплеснуть
руками.

— Будь милостив, Цезарь. Мы
не смогли убить этого человека.

— Кого, Фанокла?

— У него бдительный гений.
Доска убила раба, который стоял
рядом. Краб тоже пролетел мимо.

Раздался пронзительный визг —
досточтимого Мамиллия наконец
вытащили из шлема. Он тоже
поспешил к Императору.

— Мамиллий, краб
предназначался не тебе!

Мамиллий в волнении
повернулся к рабу:

— Значит, ты не хотел меня
убить?

— А зачем нам тебя убивать? Ты
изнурял нас работой, так это твое
право. Для того нас и купили. Но
этот человек совсем нас не
использовал. Мы видели, как его
корабль плыл без гребцов и парусов
против ветра. Что ж, мы, гребцы,
теперь совсем не нужны?

Фанокл закричал:

— Мой корабль сделал бы вас
свободными людьми!

Император задумчиво

разглядывал раба.

— Ты доволен своей участью гребца на триреме?

— Боги знают, как мы страдаем.

— Так в чем же дело?

Раб задумался. Когда он снова заговорил, слова его потекли как что-то заученное в очень далеком прошлом:

— Лучше быть рабом у последнего трюмного, чем правителем над тенями в аду.

— Понятно. — Император кивнул солдатам. — Уведите.

Постумий издал противный смешок.

— Ты видишь, грек, что думает о твоём корабле профессиональный

мореход!

Император возвысил голос:

— Не спеши. Послушаем, что скажет о гром-машине профессиональный солдат. Начальник стражи!

Но начальник стражи уже отдавал Императору честь.

— Прости меня, Цезарь, но госпожа...

— Какая госпожа?

— Они не пропускают ее без моего разрешения, Цезарь.

Мамиллий закричал срывающимся голосом:

— Евфросиния!

Начальник стражи повернулся к солдатам:

— Госпожу пропустить.
Шевелитесь, ребята!

Солдаты у входа расступились, и Евфросиния, съезжившись, подошла к Фаноклу и Императору.

— Где ты была, дитя мое? Почему ты не пошла с остальными? На молу без меня опасно!

Но и на сей раз она промолчала, лишь покрывало у рта колыхалось от прерывистого дыхания.

Император жестом подозвал ее к себе.

— Стань около меня. Теперь тебе ничто не угрожает. — Он снова обратился к начальнику стражи: — Начальник стражи!

— Слушаю, Цезарь!

— Вольно. Постумий, задавай свои вопросы.

Постумий оглядел его
внимательно.

— Капитан, ты хотел бы драться на войне?

— Для защиты Отца
Отечества...

Император махнул рукой.

— В твоей верности никто не сомневается. Отвечай, пожалуйста, по существу.

Капитан задумался.

— В общем, да, Цезарь.

— Почему?

— Все-таки что-то новенькое, Цезарь. Душевный подъем,
продвижение по службе, а может, и

хорошие трофеи... ну и так далее.

— А ты хотел бы поражать своих врагов на расстоянии?

— Не понимаю.

Постумий наставил палец на Фанокла.

— Этот плюгавый грек сделал новое орудие, ты его видел на молу. Жмешь на пипку — и врагу конец.

Капитан размышлял.

— Значит, Отцу Отечества больше не нужны его солдаты?

Постумий выразительно посмотрел на капитана.

— Ему уж точно нет. А вот мне нужны.

— А что, если враг займет собственную гром-машину?

Постумий обернулся к Фаноклу:
— Броня защитит?

— Едва ли.

Император легонько дернул Мамиллия за алый плащ.

— Предвижу, что такой военной формы вам больше не носить. Грядущие войны вы проползаете на брюхе. И форма ваша будет цвета грязи или коровьего дерьма...

Начальник стражи опустил глаза на свой блестящий бронзовый нагрудник.

— ...а металлические доспехи можно будет выкрасить в неброский цвет или оставить так, как есть, — сами выпачкаются в грязи.

Офицер побледнел.

— Ты шутишь, Цезарь.

— Сам видел, что натворил его корабль в гавани.

Начальник стражи отступил назад. Челюсть его отвисла. Он дышал часто, словно человек, которому привиделся жуткий кошмар. Потом стал озираться по сторонам, взгляд его блуждал по кустам, каменным скамьям, солдатам, загораживающим вход в туннель...

Постумий вышел вперед и схватил его за руку.

— Ну что, капитан?

Глаза их встретились. Лицо капитана обрело решимость: челюсти стиснуты, на щеках

обозначились тугие желваки.

— А остальных берешь на себя, генерал?

Постумий кивнул.

И началось. Сквозь живописную группу жестикулирующих фигур, сквозь сцепление человеческих тел, что пытались сохранить равновесие, балансируя на берегу пруда, над невозмутимыми белыми лилиями летел от кулака Постумия Фанокл. Начальник стражи побежал к туннелю, следом за ним загромыхал Постумий. Офицер прокричал слова команды, и защитники туннеля — раз, два! раз, два! — дружно отступили, раскрывая дверь в живой стене. Беглецы исчезли в черной

дыре, часовые продолжали стоять по стойке «смирно». Из кучи тел на берегу пруда по одному выбирались солдаты. Мамиллий — между ним и туннелем лежал пруд — метался из стороны в сторону, от испуга он никак не мог найти кратчайшую дорогу к беглецам. Один Император был безмолвен и спокоен, разве только стал чуточку бледнее и немного отрешеннее — он понимал неотвратимость краха и нависшей над ним смерти. Вскоре солдаты привели себя в порядок, Фанокл выбрался из пруда, Мамиллий после мучительных колебаний преодолел его вброд. Все еще не веря в предательство начальника стражи,

собрались они у входа в туннель. К ним подошел Император. Он задумчиво вглядывался в живую стену, которую дисциплина привела в полнейшую негодность. Потом едва заметно пожал плечами.

Мягко, словно говоря с детьми, произнес:

— Теперь можно стоять вольно.

Неожиданно их качнуло тугой струей воздуха. Почти одновременно земля под ногами заходила ходуном, на голову, как кулак, обрушился резкий удар звука. Император повернулся к Мамиллию:

— Гроза? Везувий?

За мысом, разделяющим сад и порт, завывало, вой приближался,

рядом оглушительно грохнуло, в ветвях тиса зашелестело и зашептало. Потрясение притупило в них чувство опасности, и они лишь ошарашенно переглядывались. Фанокла била дрожь. В туннеле раздались торопливые шаги, кто-то бежал, спотыкаясь и падая. Прямо на них выскочил солдат, ало-золотистые тона его формы выдавали в нем подчиненного Постумия.

— Цезарь...

— Возьми себя в руки, а потом докладывай.

— Он умер...

— Кто умер и как это случилось?

Солдат качнулся, но на ногах

устоял.

— Не знаю, как сказать тебе, Цезарь. Мы становились в строй после... после смотра. Из туннеля выбежал генерал Постумий. Он увидел, что несколько солдат тушат пожар, и начал созывать остальных. С ним бежал один из твоих офицеров. Я видел, как он нагнулся у катапульты номер семь. Сверкнула молния, загрохотал гром...

— ...и в молу образовалась дымящаяся дыра. Где Постумий?

Солдат недоуменно развел руками. Фанокл упал на колени, стараясь дотянуться рукой до края императорской тоги. Солдат теперь смотрел мимо Императора на

ближайшие заросли тиса, которые отгораживали пруд от уходящих вверх террас сада. Глаза его округлились. Он взвыл и бросился бежать.

— Колдовство!

За ним наблюдал Постумий, не мог не наблюдать — над стеной тиса красовался его бронзовый шлем с ало-золотистым пером. Он, видимо, варил себе какую-то еду, от обычного летнего зноя воздух над шлемом не мог дрожать с такой силой. На их глазах перо постепенно темнело и обугливалось. Ветки тиса прогибались, скручивались от жары в завитки и наконец не выдержали. Шлем накренился, лег на бок — он был пуст.

— Иди сюда, дружище.

Солдат выполз из кустов.

— На твоих глазах Громовержец уничтожил генерала Постумия за непростительный грех неповиновения Императору. Иди и скажи остальным. — Император повернулся к Фаноклу. — Попытайся спасти что еще возможно. Ты в большом долгу перед человечеством. Ступай с ними, Мамиллий, теперь ты за все отвечаешь. Там, за туннелем, перед тобой открываются новые возможности. Будь их достоин.

Шаги гулко отозвались в туннеле и замерли в отдалении.

— Подойди ко мне, дитя мое.

Он сел на каменную скамью у

пруда.

— Стань передо мной.

Она подошла и стала. Прежней грации в ее движениях уже не было.

— Отдай это мне.

Задрапированная фигура стояла молча. Император не произнес больше ни слова. Он лишь величаво протянул руку — этого было достаточно. Она сунула вещицу ему в руку и испуганно поднесла сжатый кулачок к закрытому покрывалом лицу. Император задумчиво смотрел на свою ладонь.

— Кажется, моим спасением я обязан тебе. Впрочем, Постумий, наверное, правил бы империей лучше меня. Дитя мое, я должен увидеть

твое лицо.

Евфросиния продолжала стоять молча. Император испытующе посмотрел на нее, потом кивнул, словно они о чем-то договорились.

— Я понимаю.

Он встал, обошел пруд и посмотрел поверх утеса на уже видимые волны.

— Пусть это останется еще одной неразгаданной страницей истории.

И он швырнул бронзовую бабочку в море.

IV. Дипломатическая МИССИЯ

Император и Фанокл возлежали друг против друга по разные стороны низкого стола. Стол, пол и зала были круглыми, на обступивших залу колоннах покоился затемненный купол. В отверстии купола, прямо над их головами, висело мерцающее созвездие, спрятанные за колоннами светильники разливали по зале мягкий и теплый свет, который располагает к отдыху и улучшает пищеварение. Невдалеке задумчиво пела флейта.

— Так ты думаешь, она будет

работать?

— Почему же нет, Цезарь?

— Станный ты человек. Все размышляешь о всеобщем законе, а получаешь вполне осязаемые результаты. Зря я сомневаюсь. Мне надо набраться терпения.

Они немного помолчали. Голос кастрата поддержал напев флейты.

— Фанокл, что делал Мамиллий, когда ты оставил его?

— Отдавал приказ за приказом.

— Вот и отлично.

— Приказы все до одного неправильные, но люди ему повиновались.

— В том-то и секрет. Это будет ужас, а не Император. Калигулу он

переплюнет, а вот Нерона превзойти — таланта не хватит.

— Он очень гордился вмятиной на своем шлеме. Говорил, что открыл в себе человека действия.

— Значит, прощай поэзия. Бедный Мамиллий.

— Нет, Цезарь. Он сказал, что действие родило в нем поэта и что именно в бою он сочинил совершенное произведение.

— Надеюсь, не эпопею?

— Эпиграмму, Цезарь. «Евфросиния красива, но глупа и молчалива».

Император кивнул с серьезным видом.

— Но мы-то с тобой знаем, что

ее уму и сообразительности может позавидовать любая женщина.

Фанокл от неожиданности чуть приподнялся.

— А тебе, Цезарь, откуда это известно?

Император задумчиво катал пальцами виноградину по столу.

— Я, конечно, женюсь на ней. Не раскрывай, Фанокл, рот и не бойся, что я велю тебя удавить, когда увижу ее лицо. В моем возрасте наш союз, увы, будет только называться браком. Но ей он принесет безопасность и относительный покой да и убережет от посторонних глаз. Ведь ты не будешь отрицать, что у нее заячья губа?

Кровь бросилась в лицо Фаноклу, казалось, он задохнется — глаза его выкатились из орбит. Император погрозил ему пальцем.

— Только молодой идиот вроде Мамиллия мог болезненную стеснительность принять за благодетельную скромность. С высоты моего опыта и в надежде, что нас не услышит ни одна женщина, я по секрету скажу тебе: скромность придумали мы, мужчины. Как знать, не нами ли выдуманно и целомудрие? Ни одна красивая женщина не будет так долго скрывать свое лицо, если оно не обезображено.

— Я не смел сказать тебе.

— Ты думал, что я принимаю

тебя ради нее? Увы, ради Мамиллия и его романтической любви. Персей и Андромеда! Как он возненавидит меня. Мне не следовало забывать, что обычные человеческие отношения — непозволительная роскошь для Императора.

— Мне очень жаль...

— И мне тоже, Фанокл, и не только себя. Тебе никогда не хотелось обратить свет своего могучего разума на медицину?

— Нет, Цезарь.

— Сказать тебе, почему?

— Я слушаю.

Ясные, спокойные слова Императора падали в тишину залы. словно маленькие камешки:

— Я уже говорил, что ты высокомерный человек. Но ты еще и эгоист. Ты одинок в своей вселенной с ее естественными законами, люди для тебя — помеха и докука. Я сам одинокий эгоист с той лишь разницей, что признаю за людьми право на некоторую независимость. Эх вы, натурфилософы! Интересно, много ли вас? Ваш упрямый и ограниченный эгоизм, ваше царственное увлечение единственным полюбившимся предметом могут когда-нибудь подвести мир к такой черте, за которой жизнь на земле можно будет стереть с той же легкостью, с какой я стираю восковой налет с этой

виноградины. — Ноздри Императора трепетали. — А теперь тишина. Несут форель.

И для этого события был свой ритуал — вошел дворецкий, за ним слуги, все двигалось в заученном порядке. Император сам нарушил тишину:

— Может быть, ты слишком молод? Или, как и я, перечитывая однажды понравившуюся книгу, половину удовольствия получаешь от воскрешения той поры, когда прочитал ее впервые? Вот видишь, Фанокл, какой я эгоист. Читай я сейчас эклоги, я не уносился бы душой в римскую Аркадию, а снова стал бы мальчишкой, который

готовит урок к следующему занятию.

Фанокл постепенно приходил в себя.

— Мало ты получаешь от чтения, Цезарь.

— Ты думаешь? Конечно, мы, эгоисты, всю историю человечества вмещаем в свою собственную жизнь. Каждый из нас заново открывает пирамиды. Пространство, время, жизнь — то, что я назвал бы четырехмерным континуумом... Ах, как же мало латинский язык пригоден для философии! Жизнь — феномен сугубо личный, с единственной фиксированной точкой отсчета. Александр Македонский начал вести свои войны только после

того, как я открыл его в свои семь лет. Когда я был ребенком, время было мгновением, простой точкой, но голосом и обонянием, вкусом и зрением, движением и слухом я превратил эту ничтожную точку в роскошные дворцы истории и безбрежные дали пространства.

— Я снова не понимаю тебя, Цезарь.

— А надо, ибо речь идет о том, что испытываем мы оба: и ты и я. Но чтобы понимать это, тебе не хватает моей интровертности — или, лучше сказать, себялюбия? — обрати внимание, как любит Император вводные предложения, когда его никто не перебивает! Думай,

Фанокл! Ах, если бы ты мог не
аппетит мой возвратить, а
воскресить во мне хотя бы одно
дорогое воспоминание! Чем, как не
предвосхищением и памятью наше
человеческое мгновение отличается
от слепого бега природного времени?

Фанокл взглянул на созвездие,
которое сверкало так близко, что,
казалось, обрело третье измерение,
но, прежде чем он собрался с
мыслями, чтобы ответить
Императору, блюда уже были на
столе. Подняли крышки, и над
столом заструился сладковатый пар.
Император закрыл глаза, наклонил
голову и втянул в себя воздух.

— Та-ак?.. — И с глубоким

волнением: — Так!

Голодный Фанокл быстро съел свою форель и с нетерпением ждал, когда Император предложит ему вина. Но Император ничего не видел и не слышал. Губы его шевелились, лицо то бледнело, то заливалось краской.

— Свежо. Сияющая гладь воды, тени и водопады с высоких мрачных утесов... Снова все перед глазами. Я лежу, едва умещаюсь на каменистом уступе. Надо мной вздымаются скалы, рядом журчит река, вода в ней темна даже на солнце. Два голубя воркуют монотонно и певуче. Острый камень вонзился в правый бок, но я неподвижно лежу лицом

вниз, и лишь правая рука движется медленно, словно улитка. Я прикасаюсь к чуду сиюминутной реальности, рука ласкает воду — о, каким пронзительно и яростно живым я себя ощущаю! — еще миг, и мой неистовый восторг найдет выход в исступленном движении. Но я усмиряю мой азарт, мое желание, мой трепет — воля уравнивает страсть. Рука нетороплива, как трава в тихой воде. Вожделенная добыча лежит там, в темноте, вода струится, обтекая ее гибкое тело. Пора! Судорожное напряжение тел, чувство ужаса и невыразимой тоски — она взлетает в воздух, и я держу ее мертвой хваткой. Вот она, она моя...

Император открыл глаза и посмотрел на Фанокла. Слеза ползла по его щеке прямо над нетронутой рыбой.

— ...моя первая форель. — Он схватил чашу, пролив несколько капель на пол, и протянул ее Фаноклу. Император овладел собой и тихо засмеялся. — Но как же мне наградить тебя?

— Цезарь! — Фанокл поперхнулся и с трудом выдавил из себя: — Моя взрывчатка...

— О парохоме я не говорю. Забавная штука, но очень уж дорогая. Признаюсь, что экспериментатор во мне с интересом следил за его чудовищной работой, но одного раза

вполне достаточно. Пароходов больше не надо.

— Но Цезарь!

— И потом, без ветра ты заблудишься в море.

— Я могу изобрести прибор, который постоянно указывает одно направление.

— Разумеется, изобрети его. Может быть, ты изобретешь подвижную стрелку, которая постоянно указывает на Рим.

— Нет, только на север.

— Но пароходов больше не надо.

— Я...

Император взмахнул рукой.

— Такова наша императорская воля, Фанокл.

— Я повинуюсь.

— Слишком уж они опасны.

— Как знать, Цезарь, может, придет день, когда люди перестанут считать себя рабами, а значит, обретут свободу...

Император покачал головой.

— В твоей работе ты имеешь дело с идеальными элементами, и отсюда твой политический идеализм. Рабы будут всегда, хотя называть их, возможно, будут иначе. Что такое рабство, как не подчинение слабого сильным? Не в твоей воле упразднить неравенство. Ведь не настолько же ты глуп, чтобы верить, что все мы рождаемся равными? — Неожиданно лицо его

приняло серьезное выражение. — А что касается твоей взрывчатки, то сегодня она спасла меня и, следовательно, покой империи. Но она же лишила империю безжалостного правителя, который умертвил бы полдюжины людей, но справедливо правил сотней миллионов. Так что мир проиграл. Нет, Фанокл, пусть уж Юпитер сам неисповедимо правит своими громами и молниями.

— Но это же мои величайшие изобретения!

Первая форель, к которой Император так и не притронулся, исчезла с его блюда. Появилась другая, и он снова окунул свое лицо в

сладковатый пар.

— Сковарка. Я непременно вознагражу тебя за нее.

— Тогда как же, Цезарь, ты наградишь меня за вот это?

— За что?

— За мое третье изобретение, которое я хранил про запас...

Фанокл медленным театральным жестом опустил руку к поясу. Император с интересом следил за ним.

— Это как-то связано с громом?

— Только с тишиной.

Император нахмурился. Он держал по листу бумаги в обеих руках и переводил взгляд с одного на другой.

— Стихотворения? Так, значит, ты поэт?

— Нет, их сочинил Мамиллий.

— Я мог бы догадаться. Софокл, Каркид — ничего не скажешь, хорошо начитанный юноша!

— Это прославит его. Прочитай другое стихотворение, Цезарь. Оно точная копия первого. Я изобрел способ размножения книг. Я назову его печатанием.

— Но ведь это... это еще одна скороварка!

— За один день взрослый мужчина с подмастерьем смогут сделать тысячу экземпляров книг.

Император оторвал взгляд от бумаг.

— Так мы сможем выпустить сто тысяч экземпляров Гомера!

— Миллион, если захотим.

— Прекратятся стенания поэтов, у которых нет слушателей...

— И денег. Никаких рабов-переписчиков. Поэты, Цезарь, начнут продавать свои стихи мешками, как овощи. Последняя судомойка утешится величием нашей афинской драмы.

В волнении Император сел.

— Подумать только, своя публичная библиотека в каждом городе!

— И в каждом доме.

— Десять тысяч экземпляров любовной лирики Катулла...

— Сто тысяч книг Мамиллия...

— Гесиод придет в каждый сельский дом...

— На каждой улице будет свой писатель...

— Горы исчерпывающих данных и лавина информации по любому предмету...

— Знание и образование в массы...

Император снова лег.

— Постой. А нам хватит гениев? Часто ли рождаются Горации?

— Пустое, Цезарь. Природа изобильна.

— Ну а если мы все начнем писать книги?

— Почему бы и нет?

Интересные биографии...

Император напряженно всматривался в запредельное — он смотрел в будущее.

— «Дневник провинциального губернатора», «Как я строил стену Адриана», «Моя жизнь в обществе. Сочинение многоопытной дамы».

— А ученые труды?

— «Пятьдесят интерполированных поправок к Морскому регистру», «Метрические инновации в мимиямбах Геронда», «Сублимированный символизм первой книги Евклида», «Прологомены к исследованию остаточных тривиумов».

В глазах Императора мелькнул

ужас.

— История — «По следам Фукидида», «Воспоминания бабушки Нерона».

Фанокл сел и радостно захлопал в ладоши.

— Не забудь отчеты и проблемные записки, Цезарь!

Ужас в глазах Императора рос.

— Военные, страноведческие, санитарные, евгенические — все придется читать! Политические, экономические, пастушеские, огороднические, приватные, статистические, медицинские...

Император, шатаясь, поднялся на ноги. Он воздел руки к небу, закрыл глаза, лицо его исказила

grimаса отчаяния.

— Почему кастрат не поет?!

Голос зазвучал уверенно и бесстрастно.

Император открыл глаза. Быстрым шагом он подошел к одной из колонн и, постепенно приходя в себя, принялся похлопывать ладонью по камню. Потом поднял голову и долго смотрел на мерцающее созвездие, висевшее в хрустальных сферах. Мало-помалу он успокоился, хотя все еще изредка вздрагивал. Наконец он повернулся и внимательно посмотрел на Фанокла.

— Итак, мы говорили о твоей награде.

— Я во власти Цезаря.

Император приблизился к Фаноклу и спросил дрогнувшим голосом:

— Ты хотел бы стать послом?

— Даже в самых смелых снах я никогда...

— Тогда у тебя будет предостаточно времени, чтобы изобрести прибор, указывающий на север. Кстати, взрывчатку и машину для печатания можешь взять с собой. Я тебя сделаю чрезвычайным и полномочным послом. — И, помолчав, добавил: — Фанокл, друг мой, я хочу, чтобы ты поехал в Китай.

Примечания переводчика

Скорее всего Император
намекает на «Двух Менехмов»
Плавта (II век до н. э.).

Намек на ответ Диогена
Александру Македонскому.

Oloito — Искаженное
древнегреческое проклятие типа
«черт возьми».

Фунт в Древнем Риме равнялся
327,5 грамма.

Прототипом Знаменосца IX
легиона, видимо, является
Знаменосец X легиона,
отличившийся в одном из британских
походов Юлия Цезаря.

Рах (лат.) — мир. Не исключено, что Мамиллий хотел сказать одну из следующих латинских фраз: «Рах deorum» («Благоговение богов»), «Рах tesut» («Мир с тобой») или же «Рах hominibus bonae vol untatis» («Мир людям доброй воли»).